

Пути Россіи

Статья седьмая *)

Иванъ Васильевичъ Грозныйъ былъ, во истину, Царь. Когда лѣтописи говорятъ о Царѣ, не упоминая имени, она говоритъ о немъ. Царство его было самымъ большимъ въ Европѣ. Слава о немъ дошла до краевъ земли. И власть его надъ подданными была такъ велика, какъ ни у одного государя въ мірѣ. Съ Ивала Грознаго и «зачалась» Москва. Отецъ и дѣдъ положили основу. Грозный достроилъ зданіе. Зданіе вышло приземистымъ и нескладнымъ; и европейцамъ оно казалось уродливымъ и страшнымъ. Но оно простояло 400 лѣтъ, и въ немъ была своя красота и строгость.

Московское царство строилось такъ.

Во главѣ царства стоялъ царь. Царь — средоточіе жизни. Царь не только глава и верхъ подданныхъ, не только источникъ закона — «живое законоставіе»; царь — начало и конецъ, основа и завершеніе всего народнаго бытія. «Яко же Богъ есть на небеси повсемѣственнѣ, то на земли суть по Бозѣ тѣи, иже держащій царскую власть и престолъ». Потому, безъ царя нѣтъ и царства. Царь и царство едины. Царство отъ царя не отдѣляется, и безъ царя государство не строится. Государство — только государево дѣло, государевъ домъ. И, если, въ отворѣ Западу, надо раздѣлить царя и царство, спора нѣтъ: царь царства выше. «И мы то вѣдаемъ: — писалъ Грозный Баторію — манстатъ — государство, а на манстатѣ — государь на государствѣ, и государь государства болши». — Что государь государства больше, и царь — основа жизни, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ибо царь — не одинъ изъ тѣсныхъ, выгово вознесенный надъ людьми и держащій въ рукѣ власть и законъ. Царь — Божій мѣстивъ, Божій ключникъ и постельникъ, живой и видимый образъ Царя Небснаго. Господь Богъ избралъ его на свое мѣсто и посадилъ на земномъ престолѣ. Властью же царь

*) См. «Совр. Записки» №№ 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22.

подобенъ Богу. «Бози бо есте и сынове Вышняго, Васъ бо Богъ въ себе мѣсто посади на престолѣ своемъ... Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу». Потому, Богомъ цари царствуютъ, и, что царь дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ по волѣ Божьей. Царскія дѣла—Божьи дѣла, и царскія вѣлѣнія — отъ Бога: «дѣла Божіи и наши государевы», «Божье повелѣніе и нашъ указъ». Царь слышитъ голосъ Божій, и сердце царское въ Божьей рукѣ. Челобитчики просятъ царя : чтобы Великій Государь ихъ пожаловалъ, «какъ Великаго Государя Богъ извѣститъ». И царь отвѣчаетъ : будутъ пожалованы, «когда Богъ велитъ». — Если царь — видимый образъ Царя Небеснаго, и Царь Небесный вознесъ его на свой престолъ, то царству его нѣтъ предѣловъ. Какъ одинъ царь на небѣ, такъ одинъ царь на землѣ. Всѣ православныя царства сложились въ русскомъ царствѣ, и русскій царь — царь православія, во всей поднебесной христіанамъ царь : «царь и государь православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана». И только въ Москвѣ — большое православіе и высшее христіанство. — Одинъ православный царь во всей вселенной — одна власть — православнаго царя — въ русскомъ царствѣ. Всѣ другія власти ему покоряются и отъ него силу пріемяютъ. «Яко же отстоятъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больши свѣтомъ есть : сице и царская божественная власть выши и больши прочихъ властей». Велико смиреніе царя передъ святой церковью, но и церковь предана ему Господомъ, и вся тягота церковная виситъ на его выи. Князья и бояре — царскіе слуги и холопы. Народъ — рабъ, отданный царю Богомъ въ работу. Потому, царь, поставленный народомъ — не истинный царь, и царь, царствующій не на полной волѣ — убогій. Русскіе цари поставленіе имѣютъ отъ Бога — богоизбранные, боговѣщанные цари; и власть ихъ — вольное царское самодержавство. Царь Михаилъ былъ избранъ на царство «не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодыю : Богъ его государя на такой великій царскій престолъ избралъ... мимо всѣхъ людей, по своей неизрѣченной милости; всѣмъ людемъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе». И царь Иванъ — въ письмѣ къ Баторію : «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, Божимъ изволеніемъ, а не многоятежнаго челоувѣчества хотѣніемъ». — Если царь поставленъ на царство Богомъ, и царская воля — Божья, долгъ подданныхъ повиноваться царю, какъ Богу, и служить ему безропотно и съ по-

кореніемъ. Ослушаніе царя — тяжкій грѣхъ передъ Богомъ, и нерадѣніе къ его работѣ грозитъ Божьей карой. «Кого не слушаешь? — писалъ царь Алексѣй Михайловичъ князю Ромадановскому — предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дѣла Его теряешь! Вѣдаешь ли безконечную муку у Него, кто лестью Его почитаетъ и кто передъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится». Потому, грозенъ царь въ гнѣвѣ своемъ противъ ослушниковъ, и страшна царская казнь непорочнымъ. Потому и люди служатъ царю съ трепетомъ и благоговѣніемъ; живутъ въ страхѣ Божіемъ и государевомъ и боятся царя, «яко Бога». При имени царя обнажаютъ головы; при видѣ его — падаютъ на колѣни. Какъ рабы, работаютъ на него всю жизнь, до смерти. Какъ рабы, не имѣютъ имуществъ: что имѣютъ — все Божье и государево. Какъ рабы, не знаютъ воли: «Волею Богъ, да великій государь», «вѣдаетъ Богъ, да государь», «да будетъ воля Божья, да государева». Ибо Господь Богъ поставилъ царя надъ всѣми и положилъ у него и милость, и судъ, и власть, и живеть. — Грозенъ царь къ людямъ своимъ, но и милостивъ. Православные царя — не тираны и не насильники. Велика власть царя надъ повинными ему рабами — велика и отвѣтственность передъ Богомъ за врученныхъ ему людей. Ибо и повинные рабы — Божьи люди; и самовластный царь — рабъ передъ Богомъ. Потому, съ великимъ опасеніемъ держитъ царь свое царство и со смиреніемъ и страхомъ несетъ тяготу власти. Богъ поручилъ ему разсуждать людей своихъ въ правду, защищать сирыхъ и слабыхъ, помогать безпомощнымъ; и отвѣчать передъ лицомъ своимъ за грѣхи и обиды подвластныхъ. Такъ и сознаетъ себя православный царь — «рабо-царь» и «слуга Божій». «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю — писалъ гораздо тихій царь Алексѣй Михайловичъ — править и разсуждать люди свои на востокъ и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ въ правду». «На то насъ Богъ и поставилъ, чтобы безпомощнымъ помогать». И Иванъ Грозный: «Вѣрую, яко о всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ, вольныхъ и невольныхъ, судъ пріяти ми яко рабу, и не токмо о своихъ, но и подвластныхъ мнѣ дать отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшають.» И подвластные отвѣчаютъ царю преданностью и любовью. Повинуются не только изъ страха, но и радостнымъ послушаніемъ. Глубоко въ сердцѣ своемъ носятъ вѣру, что царь ихъ осіяетъ Божьей благодатью, и что равнаго ихъ царю нѣтъ на свѣтѣ. И на соблазны свободой отвѣчаютъ западнымъ безбожникамъ: «Вамъ дорога ваша воля, намъ — неволя». Ибо нестрашна не-

воля у праведнаго царя; и легка ноша, возложенная Божьимъ помазанникомъ. — Такова царская власть въ Московскомъ царствѣ.

Миръ Богомъ держится. Царство — царемъ. Царь — творецъ и строитель царства. Подданные — работные царя : дѣлаютъ его-государево дѣло. Царь ставитъ работныхъ на работу : впрягаетъ въ тягло — государеву повинность. Тягло работные тянутъ всю жизнь, до живота — начинаютъ тянуть, когда войдутъ въ силу, кончаютъ, когда совсѣмъ одряхлѣютъ. Спятъ тягло нельзя, подъ страхомъ большого наказанія. Переменить — только съ вѣдома государя. По тяглу работные дѣлятся на чины — разряды. У каждаго чина свое тягло, и каждый чинъ своему тяглу крѣпокъ. Государевъ крѣпостной уставъ опредѣляетъ повинности чина и ставитъ тягло на мѣрѣ. И каждый чинъ, въ государевой державѣ, въ своемъ уставѣ и въ царскомъ новелъниѣ, стоитъ твердо и непоколебимо.

Высшій чинъ — служилый. Служилые — государевы воины и государевы слуги, при дворѣ и въ управленіи царствомъ. Служилые служатъ приобщеннымъ способомъ — не отечеству. Самые вѣрные — ископивѣчные, которые «ни у кого не служивали окромя своихъ государей». Если служилыхъ для службы не хватаетъ, царь прибираетъ на службу изъ другихъ чиновъ или изъ вольныхъ гулящихъ людей. Но изъ служилыхъ чина выхода нѣтъ. Служилые — слуги безвыходные. Если заложатся за кого-нибудь и отдадутъ себя въ неволю — сыщутъ, накажутъ и спова поставятъ на службу. Служилые служатъ всю жизнь, до смерти. До 15 лѣтъ, пока сѣбютъ въ службу — недоросли; когда поспѣютъ — новики; и такъ выше, позымаясь по служебной лѣстницѣ. Отъ походной службы освобождаются только самые старые и убогіе. Но и тѣ должны служить болѣе легкую городскую службу. «Старъ и увѣченъ, безъ зубовъ и безъ ноги... и нынѣ его съ полковую и съ ближнюю службу не будетъ, а служить ему осадную службу». Для верстанія на службу и распредѣленія по статьямъ, служилымъ устраиваютъ смотры — разборы. На смотры являются всѣ — больныхъ приносятъ на носилахъ и привозятъ въ повозкахъ. Нѣтчиковъ бьютъ кнутомъ и лишаютъ помѣстій. При разборахъ составляютъ списки — десятици. Въ десятици заносить : «кто каковъ отечествомъ и службою, и кому кто въ версту», «каковъ... будетъ на государевѣ службѣ конень, и оруженъ, и люденъ», «кто къ службамъ лѣнивъ за бѣдностью, кто лѣнивъ за старостью или увѣченъ и кто воровствомъ и огурствомъ» и многое другое. Для исправно-

сти службы, служилые связаны порукой; при записи въ десяти отмѣчается: порука по немъ въ службѣ такихъ то. За службу служилые получаютъ государево жалованіе — помѣстье. Помѣстье — по службѣ: чѣмъ выше служба, тѣмъ больше помѣстье. Но помѣстье — не собственность служилыхъ. Помѣстье — государева земля: когда служба кончена, она отходитъ на государя. Съ помѣстій служилые служатъ уложенную службу. Государевъ указъ опредѣляетъ строеніе воинству — «о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ.. служить»; и указъ примѣняется съ безпощадной строгостью. И весь служилый чинъ, какъ полкъ на походъ, — въ полной волѣ царя-водителя. Куда царь поведетъ — идти; что прикажетъ — дѣлаютъ. Государь, какъ Богъ, и малаго можетъ сдѣлать великимъ. И, когда государь захочетъ, и большихъ, и сильныхъ казнить смертью. Потому, какъ ни высоко стоятъ служилые люди надъ неслужилыми, но передъ царемъ они рабы и крѣпостные. Такъ и пишутъ себя: «холоны и слуги великаго государя», «искони вѣчные холопы твои государевы».

За служилымъ чиномъ идутъ тяглые — посадскіе и волостные. Посадскіе — люди торговые и промышленные: живутъ на городскомъ посадѣ, промышленяютъ работой или держатъ лавки. Но и посадскіе — не вольные люди, а государевы крѣпостные: служатъ государевы службы, тянутъ посадское тягло и своимъ службамъ и тяглу по смерти крѣпки. По службѣ и тяглу посадскіе дѣлятся на статьи — разряды. Высшія статьи — гости большіе и торговые люди гостинной и суконной сотни; низшія — черныя сотни и слободы. Гости и люди гостинной и суконной сотни служатъ государю личную службу — живутъ на Москвѣ и ведутъ государево хозяйство. Когда нужно, государь посылаетъ ихъ на службу въ города. Служба — сборъ царской казны, управленіе царскими промыслами и продажа царскихъ товаровъ. Сборъ казны и управленіе промыслами отдается «на вѣру»: гости и ихъ товарищи служатъ подъ присягой и ручаются всѣмъ своимъ имуществомъ за недоборы. Гостиннымъ именемъ царь жалуетъ лучшихъ изъ гостинной сотни. Гостинная и суконная сотни поляются изъ лучшихъ посадскихъ людей. Такъ весь посадскій верхъ собирается у царя и служить ему вѣчную безпрестанную службу. — Черныя сотни тянутъ государево тягло на посадѣ: платятъ государевы подати, ставятъ даточныхъ людей на ратную службу, выполняютъ государевы повинности — подводную, городовую, острожную, ямскую. Для службы у государевой казны — питейныхъ сборовъ, тамо-

женных дворовъ, соляной продажи — для раскладки тягла и для другихъ государевыхъ службъ посадскіе ставятъ выборныхъ: старостъ, головъ, цѣловальниковъ, счетчиковъ, цѣновщиковъ и другихъ излюбленныхъ людей. Выборныхъ государевыхъ службъ столько, что посадскіе служатъ ихъ по очереди, а, иногда, всѣ жп-теди посада поголовно. За отбой отъ чередьевыхъ службъ посадскимъ чинятъ жестокое наказаніе безъ пощады, «чтобы на нихъ смотря впредь инымъ ихъ братья отбиваться отъ очередныхъ ихъ службъ было неповадно». Посадскіе мастерове состоятъ на учетѣ въ государевыхъ приказахъ и должны быть готовы «безъ ослушанія къ государеву дѣлу». Каменьщики, плотники, кирпичники числятся въ Каменномъ приказѣ. Приказы ведутъ мастеровымъ списки; списки провѣряются и пополняются: вычеркиваются умершіе, вписываются новые мастера. По спискамъ мастеровыхъ вызываютъ на государевы работы, по царскому указу. И посады должны высылать ихъ безъ промедленія, съ поручными записями, подъ страхомъ великой опалы; если же мастерове «учнутъ хорониться, то женъ ихъ и дѣтей сыскивать и метать въ тюрьму, покамѣста мужья ихъ не объявятся, а какъ мужья ихъ объявятся, учиня имъ наказаніе, выслать на мѣсто работы». Для несенія тягла посадскіе стянуты въ міры — общины и связаны круговой порукой. Тягло кладется на цѣлый посадъ «въ одинъ перечень» и разводится міромъ средъ своихъ членовъ. Разводъ производится по животамъ и промысламъ, и старосты смотрять, «чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными въ льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости, и никто бы въ избыткахъ не были». Отъ поступающихъ на посадъ требуютъ поручныя записи, и поручители отвѣчаютъ за повоприбылого члена своими «поручничковыми головами въ его голову мѣсто». Но съ посада выхода нѣтъ; развѣ тягленъ такъ обнищаетъ и одряхлѣетъ, что міръ самъ его пазъ тягла выключить: «бывалъ въ тяглѣ, а нынѣ обнищаль, дряхль, ходитъ по міру». Кто станетъ отъ тягла уходить, того бьютъ кнутемъ и возвращаютъ на старое мѣсто, гдѣ ожилъ. Кто заложится за сильнаго человѣка, тому кнутъ и ссылка въ Сибирь, на Лену. И даже за переходъ съ посада на посадъ посадскому грозитъ смертная казнь. Такъ и стоятъ посадскіе люди въ своемъ чинѣ безлѣтно и безповоротливо. И, какъ служилые люди, служатъ своему государю, не щадя живота, какъ Богу.

Самое тяжкое тягло у государевыхъ сиротъ — крестьянъ. Крестьяне, какъ посадскіе, — люди малые, черные, и тягло ихъ черное. Они сидятъ на государевой землѣ и тянутъ черное государево тягло. Московское царство стоитъ на землѣ и землю

кормится; торги и промыслы — только подсобное къ нашимъ. Поэтому, на пашенныхъ людяхъ и строится все государево дѣло. Крестьяне пахугь государеву десятинную пашню, платятъ государевъ царскій оброкъ, сынять хлѣбъ для ратныхъ людей и служатъ государевы службы: вѣрныя службы въ кабакахъ и таможнякъ, ямскую гоньбу, городское, засѣчное и ямчужное дѣло. Для несенія тягла, крестьяне, какъ посадскіе, связаны въ міры — волости и міромъ отвѣчаютъ передъ царемъ другъ за друга. Тягло разводится между мірянами по волостной ровности, въ Божью правду, каждому по силѣ: «по землямъ и по животамъ, и по угодьямъ, кто чего стоитъ». И міръ крѣпко смотритъ, чтобы «прожиточныя и горланы тягла съ себя не сбавлявали и на молодшихъ крестьянъ тягла не прибавлявали». Чтобы мірская ровнь не нарушалась, тягло перекладываютъ изъ года въ годъ: «у кого прибудетъ живота, прибавятъ, у кого убудетъ, убавятъ, и изъ большія дани кладутъ въ меньшую или изъ меньшей въ большую». По сколько не перекладываютъ крестьяне тягла съ плечъ на плечи, сколько не равняютъ его межъ собою, тягло давить крестьянскія плечи — порой, сверхъ человѣческой мочности. Крестьяне всячески избываютъ тягла и, когда станеть не въ силу, мечутъ свои дворники и бредутъ разно. Потому царскія власти не спускаютъ глазъ съ тяглыхъ циньменныхъ людей, держать ихъ въ крѣпости на ихъ пашенныхъ жеребьяхъ и бьютъ батогами безъ жалости, собирая подати, чтобы «нынимъ сошнымъ людямъ впредь воровать было неповадно». «Я, холопъ твой, — пишеть царю воевода — править на нихъ твоихъ государевыхъ всякихъ доходовъ нещадно, побивать на смерть». И мірскіе люди, блядя государеву дѣло и головою отвѣчая за своихъ нѣтчиковъ, платятъ государевы подати и служатъ государевы службы и за себя, и за старыхъ, и малыхъ, и за бѣглыхъ, и мертвыхъ по переписнымъ книгамъ сполна. — Но самое тяжкое крестьянское тягло не государевы подати и не государевы службы. Пока крестьяне сидятъ на черной государственой землѣ и крѣпки самому государю, они покорно тянутъ тягло и рѣдко жалуются на свою судьбу. Самое тяжкое крестьянское тягло — крѣпость помѣщикамъ. За службу государевымъ слугамъ государь отдѣляетъ помѣстныя земли и, вмѣстѣ съ землею, отдѣляетъ крестьянъ. Съ земли помѣщики служатъ и кормятся и съ пустой землѣ государевы службы служить не могутъ: крестьяне помѣщиковъ «носятъ, кормятъ и на службу подмогаютъ». Потому, отдѣляя помѣщикамъ земли, государь дѣлитъ между ними и крестьянъ. При раздѣлѣ, крестьянскіе дворы пе-

реносить съ помѣстья въ помѣстье, крестьянъ переводятъ съ дворовъ на дворы и дѣлятъ отдѣльно лучшихъ мужиковъ и бобылей. Если раздѣлъ грудекъ, помѣщички разверстываютъ крестьянъ между собою полюбовно или берутъ ихъ «вопче». Раздѣлъ производится по ровности — по вытнѣ по четвертямъ : сколько въ помѣстьѣ пашни и по пашнѣ угодій, столько и крестьянскихъ дворовъ. Крѣпость помѣщикамъ и работа на помѣщичьей землѣ и составляютъ самое тяжкое тягло крестьянъ. Крестьяне должны жить за помѣщиками прочно и неподвижно, никуда вонъ не выйти, помѣщиковъ слушать, пашню имъ пахать и оброкъ платить, какимъ помѣщики ихъ изоброчать. И, какъ ни тяжело государево тягло, еще непереносимѣе помѣщичья неволя. Крестьяне знаютъ, что помѣщичья земля, на которой они работаютъ, — земля государева. И что помѣщики ихъ невѣковые владѣльцы, а прямой ихъ владѣлецъ самодержавный государь, помѣщики же или владѣютъ временно. И, хотя государь блюдетъ своихъ сиротъ и не позволяетъ помѣщикамъ пустошить помѣстья и брать съ крестьянъ поборы черезъ силу, остеречь крестьянъ отъ помѣщичьихъ обидъ и насильства трудно. Ибо до Бога высоко, до царя далеко; а помѣщики и сами государи на помѣстьѣ, и крестьяне — ихъ подданные. Потому крестьяне, какъ царствія Небеснаго, ждутъ свободы отъ помѣщиковъ и не чаютъ, когда государь возьметъ ихъ на себя. При всякой надеждѣ на освобожденіе, радуются, точно «другой разъ на свѣтѣ родились». Когда случится что-нибудь въ государствѣ, вѣрятъ : будетъ выходъ. Родился у царя Михаила сынъ — пошли толки : «далъ де намъ Богъ, родился царевичъ, будетъ де намъ выходъ». А при царѣ Алексѣѣ жаловались : «не милостивъ нынѣшній государь, не таковъ, какъ прежніе государи, которые выходъ давали»; «при прежнихъ государяхъ бывали выходы, а при нынѣшнемъ государѣ выхода нѣтъ». И, когда надежда на выходъ потухнетъ и ослабнетъ вѣра, что государь возьметъ на себя, тогда крестьяне, «не мога терпѣти», бѣгутъ отъ помѣщиковъ, мало не всѣ. Бѣгутъ на Низъ — «подрайскую землицу, всѣмъ угодную», бѣгутъ на Поле — «край земли Московской» : ищутъ новыя земли, гдѣ еще не бывало помѣщиковъ великаго государя. Только великій государь крѣпко блюдетъ свой крѣпостной уставъ и караетъ, не щадя, его нарушителей. Отъ крестьянскихъ побѣговъ скудѣетъ парская казна, бродятъ межъ дворъ, вмѣсто службы, разеренные помѣщички и растутъ смута въ государствѣ. Въ Московскомъ царствѣ не только бѣглецы, но и вольные гулящіе люди, не прикрѣпленные къ тяглу, — воры и гады злодѣйствующіе, опасные для

тишины и покоя царства. Потому, для поимки бѣглыхъ, государь посылаетъ въ города и уѣзды сыщиковъ добрыхъ, которые пытають и допрашиваютъ припыхъ людей — сходцевъ и ново-приходцевъ — и, кого изъ бѣглецовъ изловятъ, бьютъ батогами нещадно, чтобы инымъ бѣгать было неповадно. Кто отъ бато говъ и съ тюремной пужи не помретъ, тѣхъ возвращаютъ на старые жеребья и строятъ въ тягло по прежнему. Вольныхъ гулящихъ людей крѣпятъ къ тяглу на мѣстѣ, ибо «жить въ избылыхъ ни въ какомъ чинѣ» и «государево тягло съ нихъ взято мочно»: а въ Московскомъ царствѣ никакихъ человекъ въ тяглы въ избылыхъ быть не смѣеть. Такъ и крестьянскій земледѣльческій чинъ, вмѣстѣ съ другими великими чинами, утверждается въ крѣпости государю. И, если велитъ государь съ тугой и слезами, тянетъ государево тягло въ помѣщичьей неволѣ.

Такое строеніе Московскаго царства. Наверху царь — на мѣстѣ Божій. Внизу Божьи и государевы люди — тяглые и служилые. Всѣ въ государствѣ дѣлають государево дѣло — работаютъ государеву работу и всѣ въ государствѣ государю по жизни крѣпки. Каждый чинъ дѣлаеть, что ему государь укажетъ, и каждый чинъ въ своемъ крѣпостномъ уставѣ стоитъ на вѣки неподвижно. За работу и службу государь възскаиваетъ своей милостью — царскимъ жалованьемъ; и царскимъ жалованьемъ живутъ въ государствѣ всѣ — великіе и малые. Каждый чинъ получаетъ государево жалованіе, чтобы было чѣмъ жить и съ чего службу служить, и каждый чинъ получаетъ жалованье по своей службѣ и работѣ: земледѣльческій чинъ — пашенные жеребья съ угодьями, торговые люди — дворы и лавки для торга и промысла, служилые — помѣстныя и вотчинныя земли съ крестьянами. На крѣпостной службѣ государю и на государевомъ жалованіи за службу и работу и строится Московское царство. Долгъ подвластныхъ царя служить и работать царю головами своими и всей душой. Долгъ царя передъ Богомъ обезпечить каждому подвластному *правду* — что положено по крѣпостному уставу за работу. Другихъ правъ у подвластныхъ въ Московскомъ царствѣ нѣтъ. Нѣтъ въ Московскомъ царствѣ гражданъ и нѣтъ свободныхъ людей. Иден свободы и правъ человека московскимъ людемъ непонятны. Божьи люди — рабы передъ Богомъ. Государевы люди — рабы государя. Государь налагаетъ на рабовъ своихъ тяжкое государево бремя. Рабы разверстываютъ между собою государеву тягость и государево жалованіе. Если просятъ о чемъ государя — объ облегченіи бремени: если жалуются на что — на неправильную разверстку

равности и жалованья. По повиности и жалованію и дѣлятся государевы люди на чины — разряды. Есть малые чины — черныя, и есть большіе — при перекочѣ дворѣ. Только всѣ чины — и малые, и большіе — исходятъ отъ государя. И боярская честь дается произволеніемъ Небеснаго владыки и нарекимымъ глѣннымъ призваніемъ. Потому, какъ ни велико разстояніе между малыми и большими, передъ царемъ, какъ передъ Богомъ, всѣ равны, всѣ малы. Лѣствица чиновъ исходитъ отъ царя, но до царя не доходитъ. Между царемъ и чинами разстояніе большее, чѣмъ между господиномъ и рабами. Высоко на тронѣ сидитъ царь въ Божественномъ осіяніи. Низко на землѣ строятся государевы чины. Потому, все общественное строеніе кажется плоскимъ и приземистымъ. Для людей Запада, Московское царство — тиранія, но тиранія всѣхъ уравнивающая. Для московскихъ людей, Западъ — царство неравенства и угнетенія слабыхъ сильными. Въ Московскомъ царствѣ царь царствуетъ надъ всѣми, и всѣ находятъ въ царѣ опору и защиту. Съ высоты трона царь смотритъ на всѣхъ своихъ подданныхъ съ равной любовью и милостью. И, если въ государствѣ одни повелѣваютъ, а другіе подчиняются, то это къ царской волѣ и для царскаго дѣла. Потому, царь, обращаясь къ подданнымъ, пишетъ: «всѣмъ безомѣны, чей, кто ни буди». Въ Уложеніи указываетъ: «Чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна». И въ грамотахъ къ народу торжественно возвѣщаетъ: «Мы, великій государь, царь и великій князь... съ Божіею помощію и Пречистые Богородицы, наша крестьянскіе надежды, милостию и заступленіемъ, управляя и содержа государственные свои земли вамъ всѣмъ людемъ къ тишинѣ и покою и льготѣ и оберегая въ своихъ государствахъ благоплеменный крестіанскій народъ во всемъ, и въ томъ есмь по нашему царскому милосердному обычаю, жалѣя о васъ, о всемъ православномъ крестіанствѣ, и сыскивая вамъ всѣмъ, всего народа людемъ, полезная, чтобъ милостию Божіею и содержаньемъ нашего царскаго управленія было въ нашихъ во всѣхъ земляхъ хлѣбное изобиліе и житіе нематежное и неповредимый покой у всѣхъ равно, велѣли есмь...».

Каково строеніе Московскаго царства, таково и управленіе. Божьей милостию царь всяя Руси — самодержецъ полный и неограниченный. Холопы и сироты государевы великому государю не указываютъ. Государь самъ строитъ государство и самъ имъ управляетъ. Все въ государствѣ исходитъ отъ царя и къ царю возвращается. Все, что въ государствѣ дѣлается,

дѣлается по его, великаго государя, указу. Но изъ того, что московскій царь — полновластный самодержецъ, не слѣдуетъ, что въ Московскомъ царствѣ народъ нѣмъ и не принимаетъ участія въ государственномъ управленіи. Справедливо обратное. Московскій народъ много говоритъ, проситъ, жалуется, участвуетъ въ земскихъ дѣлахъ и, вмѣстѣ съ государемъ, мыслить надѣбно, какъ государево и земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить. Приказной строй занимаетъ большое мѣсто въ Московскомъ царствѣ. Но онъ сосредоточенъ преимущественно въ центрѣ — Москвѣ, гдѣ дьяки — чинъ худой — всѣмъ правятъ. Въ областномъ управленіи онъ рѣдко доходитъ до низа. Низъ государственнаго зданія слагается изъ тысячей земскихъ міровъ — волостныхъ, слободскихъ, посадскихъ и, мѣстами, всеуѣздныхъ. Міры — самоуправляющіеся союзы, удовлетворяющіе мѣстныя нужды — хозяйственныя и духовныя и приставленные къ государеву дѣлу — податному, губному и судебному. Міры обещаютъ и рѣшаютъ дѣла на всенародныхъ сходахъ и, для исполненія рѣшеній, выбираютъ всей землей излюбленныхъ людей — судныхъ мужей, старостъ, головъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, которые и выступаютъ «во всѣхъ людей мѣсто». При однихъ царяхъ, міры подчинены царскимъ прикащикамъ — намѣстникамъ и воеводамъ; при другихъ, на міры возлагается все государево дѣло на мѣстахъ. Но, при всѣхъ царяхъ, міры играютъ большую роль въ народной жизни. Московскіе люди — мірскіе люди: они живутъ на міру, міромъ думаютъ, міромъ хозяйствуютъ, міромъ тянутъ тягло и получаютъ государево жалованье. Міры — олицетвореніе народной совѣсти и хранители народной правды. Потому, міры — устои народной жизни. На мірахъ, какъ на фундаментѣ, высятся государственное зданіе. — Народъ принимаетъ участіе и на верху государственнаго управленія. Въ трудныя минуты и для рѣшенія большихъ дѣлъ государь собираетъ совѣтъ всея земли, куда созываются всякихъ чиновъ люди, отъ мала до велика, изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ, и изъ уѣздныхъ людей — выборные люди, лучшіе, крѣпкіе и разумные. Выборные люди разсказываютъ царю про неправды и разоренія въ государствѣ и о всякомъ дѣлѣ міра, чтобы государю про то, про все было извѣстно, и жалуется государю на тяготы, обычи и насплетства. Государь спрашиваетъ у всенародныхъ людей совѣта, какъ исправить великое государево и земское дѣло и устроить Московское государство, чтобы всѣ пришли въ достоинство и чтобы въ люди государства жили въ покоѣ и радости. И какой со-

вѣтъ дадутъ совѣтные люди государю, и что государь съ совѣтными людьми рѣшить, то, по царскому указу и всей земли приговору, приводится въ исполненіе. Въ безгосударное время соборные люди рѣшаютъ дѣла сами, по своей волѣ, и сами избираютъ царя на царство, «чтобы великое російское государство.. впредь безгосударно не было». — Только изъ того, что народъ участвуетъ въ государственномъ управленіи, совѣтъ не слѣдуетъ, что московскій народъ смотритъ на свое участіе, какъ на благую вольность, и что эту вольность онъ защищаетъ противъ государя. Дѣло обстоитъ не такъ. Для московскаго народа участіе въ государственномъ управленіи не благая вольность, а тяжкая государева повинность, которую онъ выполняетъ, боясь государева страху, и сознавая, что иначе великаго государева дѣла на мѣрѣ поставить невозможно. Ибо для государева дѣла нужны не только ратные и работные люди, не только подати, припасы и подводы. Для великаго государева дѣла нужно, чтобы всѣ люди въ государствѣ ирѣдко берегли другъ друга, чтобы міромъ подымали повинности и убытки и міромъ ставили исполнителей государю — людей добрыхъ, душою прямыхъ и животою прожиточныхъ — которымъ бы государь могъ давать приказы и порученія, и которымъ можно бы было въ государевыхъ дѣлахъ и денежныхъ сборахъ вѣрить. Выборные люди промышляютъ, какъ, бы государевой казнѣ и государевымъ дѣламъ было прибыльнѣй, и отвѣчаютъ за исполненіе государевыхъ приказовъ головами своими и всѣмъ имуществомъ; а мірскіе люди даютъ на своихъ выборныхъ поручныя записки за крѣпкими поручками: чего государь не вышетъ съ выборныхъ, за то отвѣчаютъ мірскіе люди и, среди мірскихъ, въ первую очередь, «лучшіе люди съ головы». Потому, московскіе люди и смотрятъ на выборное управленіе, какъ на тяжкую государеву повинность, и даже на участіе въ соборахъ, гдѣ выборные не несутъ личной ответственности, а только «на своихъ рѣчахъ государю крестъ цѣлуютъ», какъ на службу у государева дѣла. Мірскіе выборные служатъ государеву службу у государева царя и мірскаго дѣла. Соборные люди — «у государева дѣла на соборехъ». Какъ всякую государеву службу, такъ и выборную, московскіе люди служатъ по царскому приказу и подъ страхомъ великой царской опалы и, если есть возможность, всячески отъ нея уклоняются или отбываютъ по очереди. Государь же велитъ ставить выборныхъ изъ лучшихъ людей, «хотя бы и не въ очередь», и настрого приказываетъ, «отнюдь бы ни-

кому лучшимъ людямъ по стачкѣ семьями и очередными служба-ми... отъ выборовъ не отбываться». Если мірскіе люди, по своей волѣ, выборныхъ не излюбятъ или поставятъ людей негодныхъ — воровъ и пьяницъ — царь назначаетъ выборныхъ людей самъ и приказываетъ доправить выборы съ міра — заставить міръ дать «выборы за руками» противъ его воли. И даже на соборы, куда созывается всенародное множество, выборные люди часто назначаются царскими воеводами и высылаются въ Москву — для службы «у государева и земскаго дѣла въ выборы». За выборную службу у государева дѣла, выборные получаютъ жалованіе — мірскіе выборные отъ мірскихъ людей, соборные отъ государя: выборные изъ служилаго чина — прибавку къ помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ, выборные изъ посадскихъ людей — льготы «питье — вино и пиво — держать про себя безьявочно и безошлинно». Зато за провинности по службѣ и, въ первую очередь, за недоборъ податей, выборнымъ людямъ грозить отъ государя жестокое наказаніе, безъ пощады. Много бьютъ московскихъ людей въ Московскомъ царствѣ — и кнутемъ, и батогами — по, кажется, больше всѣхъ, выборныхъ мірскихъ людей. Ибо выборные люди отвѣчаютъ «во всѣхъ людей мѣсто» — на выборныхъ и правятъ, въ первую голову, мірские недоимки большимъ немѣрнымъ правожомъ. Земскій цѣловальникъ волостей Юрьевъ Наволока и Евды записываетъ въ своей расходной книгѣ: что былъ онъ на Устюгѣ для взноса въ казну податей и что, не найдя по себѣ поручителей въ уплатѣ недоимокъ за волость, «ночевалъ за стрѣльцомъ», которому далъ «сторожевого» 4 алтына; что ставили его на правожъ, причемъ дано было приставу 10 алтынъ «попоровки, чтобы на правожъ билъ не больно»; что потомъ его сажали въ тюрьму, причемъ онъ уплатилъ — при входѣ въ тюрьму «влазное», а при выходѣ «вылазное», да приставу «пожелѣзное»; и что, наконецъ, будучи освобожденъ съ Устюга, онъ нанялъ къ себѣ на Усть-Евду за 3 алтына и 2 деньги подводу, потому что «пѣшить дойти не могла, что ноги на правожѣ перебили». — Таково выборное управленіе въ Московскомъ царствѣ.

Московское царство стоитъ на великой открытой равнинѣ. Кругомъ лѣса и степи. Нѣтъ защищенныхъ природой границъ — морей и горъ. Съ востока и съ юга хищныя азіатскія орды. Съ запада исконные враги — Литва и «пѣмцы». Окруженное непріятелемъ Московское царство — военный станъ, развернутый на три фронта. Въ тяжелой борьбѣ за жизнь оно крѣпится и переходитъ отъ обороны къ наступленію. Сначала, собраніе всея Руси. По-

томъ, освоение великой равнины. И конечная цѣль — борьба за завѣтные рубежи: Великій океанъ, Черное и Балтійское море. Завершение задачи Московское царство оставляетъ Имперіи. Но главное сдѣлано — великая Россія сколочена. — Стратегическое положеніе опредѣляетъ и внутренний строй Московскаго царства. Защита границъ и неустойное продвиженіе ихъ впередъ, при слабости хозяйственнаго развитія страны, требуетъ крайняго напряженія пародныхъ силъ и сосредоточенія ихъ на одной задачѣ — боевой. Московское государство — военное. Во главѣ государства царь — вождь. Народъ раздѣленъ на строевые и нестроевые части. Строевые люди служатъ головами своими — копьемъ и мечемъ. Нестроевые работаютъ на строевыхъ или государю, на боевые нужды. Отсюда тягло-служилый характеръ государственнаго строя. Отсюда порука и крѣпость подданныхъ. Отсюда самодержавный характеръ власти, неограниченно распоряжающейся всѣми силами и средствами страны. Отсюда строение общества сверху внизъ. Въ тяжкомъ служении государеву дѣлу, личность принесена въ жертву цѣлому. Нѣтъ простора развитію гражданскихъ правъ и свободъ. Нѣтъ мѣста созданію самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ. Крѣпостной строй Московскаго царства — продуктъ природы, хозяйства и стратегическаго положенія страны. Такова схема развитія Московскаго царства, созданная русской исторической наукой. — Русская историческая наука — дитя западной. Какъ вся западная наука второй половины 19-го вѣка, она рационалистична и матеріалистична. Она ищетъ послѣднія причины историческихъ событій и видитъ ихъ во внѣшнихъ явленіяхъ: природѣ, хозяйствѣ, военныхъ нашествіяхъ. Она недооцѣниваетъ явленій духа. Она не стремится проникнуть въ душу народа и не ощущаетъ тайны его индивидуальности. Она не чувствуетъ стіля культуры и эпохи. Потому ея объясненія не убѣждаютъ. Потому ея построенія кажутся внѣшними и недостаточными. Еще уже ея міровые горизонты. Она строитъ Россію на фонѣ Запада. Западъ — единственная арена историческихъ событій, подлинный образъ міровой культуры. Востокъ остается скрытымъ въ туманѣ и почти сливается съ «природой». Потому фонъ Московскаго царства искусственно ограниченъ. Построенія Московскаго царства, историки невольно приспособляютъ его къ фону. Что приспособить невозможно, объясняется внѣшними обстоятельствами мѣста. Современная историческая наука требуетъ иного построенія. Надо вдвинуть Россію въ міровую исторію. Надо возстаивать образъ Московскаго царства не только на фонѣ Запада, но и

Востока. Надо сопоставить Московское царство съ великими восточными теократіями. Надо проникнуть въ душу Московскаго царства и утвердить его центральную идею, воплощеніемъ которой являются различныя формы его бытія. Тогда станетъ понятнымъ многое, чего русская историческая наука не объясняетъ. Почему Московское царство, раскинутое на открытой равнинѣ и окруженное врагами, приняло форму крѣпостной деспотіи; а сосѣднее русско-литовское государство, расположенное на той же равнинѣ и окруженное еще болѣе сильными врагами, стало шляетскою республикой? Почему Московское царство такъ мало походитъ на государства Запада и такъ удивительно напоминаетъ монархіи Востока? Почему, военное по формѣ, оно многими чертами своего строенія сливается съ мирнымъ царствомъ древняго Египта? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: Московское царство — *восточное*. Оно имѣетъ свои черты лица, свою индивидуальность, свой стиль, но оно входитъ въ высшее единство — культурный обрѣзъ Востока — и несетъ на себѣ печать его духовнаго облика. Тутъ дѣло не въ отдѣльныхъ заимствованіяхъ и подражаніяхъ. Дѣло въ общности духовной атмосферы, въ общихъ путяхъ исторической жизни. Весь строй народной души Московскаго царства — восточный, и весь стиль его культуры — съ Востока. Православное Московское царство — *великая восточная теократія*. Какъ во всѣхъ восточныхъ теократіяхъ, вся жизнь Московскаго царства пронизана религіей и вѣрой въ Бога. Нѣтъ автономнаго государства, хозяйства, права, нравственности, искусства и быта. Есть Богъ и служеніе ему. Все построено на Богѣ и Богомъ покрыто. Служеніе Богу и его земному намѣстнику — царю и есть основное начало московской жизни. Это и создаетъ такое напряженіе народныхъ силъ, такой подъемъ и пафосъ въ созиданіи государства. Это и объясняетъ строеніе общества. Не потому Московское царство стало крѣпостной деспотіей, гдѣ всѣ силы народа сосредоточены на служеніи государству, что этого требовало его природное и стратегическое положеніе. А потому Московское царство сумѣло преодолѣть трудности своего природнаго и стратегическаго положенія и до конца использовать его выгоды, что народъ видѣлъ смыслъ своей жизни въ служеніи Богу и государю и служенію Божьему и государеву дѣлу отдавалъ свѣ свои силы. Высшія обстоятельства могли опредѣлять назначеніе государева дѣла. Но народъ отдавалъ бы свои силы государеву дѣлу, еслибы оно было и инымъ. Ибо онъ служилъ не практической дѣлу, не идеѣ и не нормѣ, а *священному лицу*. Подданные фараона, служа своему

государю, создали пирамиды. Московские люди — величайшую имперію новаго времени.

Преданностью и служеніемъ московскихъ людей Божьему и государеву дѣлу объясняется и удивительная устойчивость Московскаго царства. Свободолюбивымъ европейцамъ Московское царство казалось страной насилия и гнета, и всюду они видѣли смуту и колебаніе. Еще острѣе это чувство у современныхъ историковъ. Но тутъ несомнѣнная ошибка западнаго глазомѣра. Восточныя теократіи основаны на безправіи народныхъ массъ, и всё онѣ переживали длительныя смуты; и, однако, существовали тысячелѣтія, и ни одна изъ формъ западной государственности не достигла степени ихъ устойчивости и крѣпости. То же и съ Московскимъ царствомъ. Московское царство пережило «великую разруху», и народныя волненія вспыхивали не разъ въ отдѣльных частяхъ его необъятной территоріи. И, тѣмъ не менѣе, Московское царство крѣпло, росло, все отчетливѣе чеканило свои государственныя формы, и ни одному московскому человѣку не пришла въ голову мысль поднять руку на священныя устои его государственности. И это неудивительно. Ибо московская государственность покоилась не на силѣ и не на покореніи властью народа, а на преданности и любви народа къ носителю власти. Западныя республики покоятся на народномъ признаніи. Но ни одна республика въ мірѣ не была такъ безоговорочно признана своимъ народомъ, какъ самодержавная московская монархія.

Смута и народныя волненія обычно приводятся, какъ доказательства неустойчивости московскаго государственнаго строя. Но, на самомъ дѣлѣ, они доказываютъ противное. Ибо что такое «смута» въ глазахъ московскихъ людей? И во имя чего московскіе люди поднимались? — Смута — когда московскіе люди были «безгосударны». И всегда они поднимались во имя Бога и государя. Въ московское смутное время не народъ всталъ на своего государя, а одинъ государь всталъ на другого, и народъ не зналъ, гдѣ истинный. Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ всея Русіи — Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи. Въ этомъ и заключалась трагедія московскихъ людей того времени: царствующій государь — прямой ли государь? И прирожденный ли царевичъ, который хочетъ сѣсть на престолъ своихъ прародителей — не подмѣнный ли? Противъ прямого царя стоять — незамолимый грѣхъ. А на подмѣннаго — долгъ итти, не шадя жизни. Въ началѣ смуты распространилась въ Смоленскѣ молва, что придетъ прямой царь, и

взмутелись умы, и пошла шатость; «говорили, пошептываясь, псацкские люди: только де и будетъ прямой царевичъ Димитрій, и имъ противъ него и стоять нечего, а только будетъ-де и не прямой царевичъ, воръ, и мы рады помереть противъ него». Правда, позднѣе, когда смута разлилась по всей странѣ, воры и гилевщики привыкли «заводить царей», происхождение которыхъ ни для кого не было тайной: «иной боярскій человекъ, а иной мужикъ пахотный». Но потому и надо было заводить царей, что только царскимъ именемъ и по царскому указу можно было поднять московскихъ людей и заставить ихъ повиноваться. Вотъ почему, когда московскіе люди окончательно изнемогли отъ смуты и кровопролитія и поднялись спасать души свои и свое отечество, они поднялись во имя исконныхъ московскихъ началъ, за православную вѣру и за святыхъ Божія церкви, противъ бестоотступниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, и, еще не очистивъ страны отъ воровъ и литовскихъ людей, стали совѣтоваться, «какъ къ выпѣшнее конечное разореніе быть не безгосударными, чтобы намъ по совѣту всего государства выбрать государя, кого намъ милосердный Богъ дастъ». Ибо они знали твердо: что «намъ безъ государя нисколько быть невозможно»; и хотѣли одного: чтобы Всесильный Владыка «дать на Московское государство государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ государямъ». — Таково же было отношеніе московскихъ людей къ государю и къ православной вѣрѣ и въ другихъ народныхъ возмненіяхъ. Когда Разинъ шелъ на Москву съ боярами повидаться, онъ шелъ «по указу великаго государя», и вмѣстѣ съ нимъ шли на Москву и царевичъ государь Алексѣй Алексѣевичъ и патриархъ Никонъ. Потому, высланнымъ противъ нихъ стрѣльцамъ казаки Разина говорили: «вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя». И въ обращеніи къ черни отъ имени Разина и всего великаго войска Донскаго и Яицкаго предписывалось: не трогать и не разорять домовъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые «похотятъ заодно тоже стоять за домъ Пресвятыя Богородицы и за всѣхъ святыхъ, и за великаго государя, и за благовѣрныхъ царевичевъ, и за вѣру православныхъ христіанъ». Противъ кого же поднимались московскіе люди? — Противъ бояръ и воеводъ, противъ большихъ и сильныхъ людей. Великій государь — опора и надежа народа, большіе и сильные люди — *измѣнники*. Ибо, если великій государь крѣпко блюдетъ землю русскую и вѣру православную и бережетъ свой христіанскій народъ, то бояре и сильные люди измѣняютъ великому государю и землѣ русской, воруютъ царскую казну и чинятъ насиль-

ства и тѣсноту простымъ и чернымъ людямъ. Въ столицѣ, на Москвѣ, большіе и сильные люди богатѣють и тяжелѣють у государевыхъ дѣл, и дѣяки и подъячіе, «обогативъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ», строятъ палаты каменные такія, что неудобь — сказаемыя. А въ городахъ всякіе люди нищаютъ и скудѣють до конца отъ царскихъ воеводъ, отъ ихъ великой налоги и обидъ, и со страху и съ правожовъ разбродятся и бѣгають съ женами и дѣтьми. Государь всего этого не знаетъ и не вѣдаетъ, и воруютъ сильные люди «не противъ государева указа». Потому московскіе люди, блюдя тишину и спокойствіе царства, долго и покорно терпятъ боярскія неправды и обиды и только, когда терпѣть станеть не въ силу, съ гнѣвомъ и яростью поднимаются и на бояръ, и на воеводъ, и на приказныхъ, и на всѣхъ большихъ и сильныхъ людей. Тогда наступаетъ въ міру великое смятеніе, и весь міръ начинаетъ качаться. Тогда проливается многая кровь бояръ и воеводъ, и мучаютъ ихъ многими муками, и за ихъ великую измѣну, «за ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду», готовъ московскій народъ весь боярскій корень вывестъ. Тогда поднимаются и низы московскіе. Поднимаются всѣ худые и малые, и холопы, и крестьяне, и стрѣльцы, и посадскіе — на тѣхъ, кто стоятъ наверху и тѣснять ихъ: холопы и крестьяне на господъ и помѣщиковъ, посадскіе люди на большихъ гостей, стрѣльцы и казаки на пачальныхъ людей. Поднимаются на грабежъ и убіеніе, разоряють дома и помѣстья, побиваютъ и истребляютъ измѣнниковъ и позорять ихъ женъ и дѣтей. Про возстаніе Болотникова лѣтопись рассказываетъ: «Собралися боярскіе люди и крестьяне, съ ними же пристали украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы, и казаки и начали по городамъ воеводъ хватать и сажать по темницамъ, бояръ же своихъ дома разоряли и животы грабили. женъ же позорили и за себя брали». То же и про возстаніе Разина: «Забунтовали въ селахъ и деревняхъ крестьяне, помѣщиковъ и вотчинниковъ побиваютъ... и помѣстья и вотчины ихъ разоряють»; а въ городахъ стрѣльцы и посадскіе люди стовариваются «дворянъ и начальныхъ людей, и подъячихъ побивать и дома ихъ разорять вмѣстѣ». Такъ велика ненависть малыхъ московскихъ людей къ большимъ и сильнымъ. Только и въ гнѣвѣ, и въ ярости, побивая и разоряя великихъ и сильныхъ, не забываютъ московскіе люди о своихъ святыхъ — помнать и о Богѣ, и о государѣ — и, проливая многую боярскую кровь, говорятъ съ вѣрой въ свою правду: «И мы ради за тебя государя и за православную вѣру головы свои положить»; «и стоятъ всѣмъ за

одно за государя»; «стоять имъ со всякимъ радѣніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіанскую, и за благочестиваго царя». За великаго государя стоять, а измѣнниковъ — большихъ и сильныхъ людей — выводить — такова идеологія московскихъ бунтовщиковъ и мятежниковъ. И въ этой идеологіи нѣтъ ничего противорѣчиваго. Ибо, по возрѣніямъ московскихъ людей, православный царь — не царь сильныхъ, а царь сирыхъ и слабыхъ. Потому и говорятъ московскіе люди: «нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводить, побиваемъ сильныхъ людей дубьемъ да ослепьемъ».

Надо высоко подняться надъ безбрежной равниной Московскаго царства, надо охватить причудливыя линіи его строенія, его восточный обликъ, его торжественную теократическую осанку, надо проникнуть въ души московскихъ людей и уловить ихъ духовную настроенность, ихъ покорность Промыслу, ихъ преданность Божьему и государеву дѣлу, и тогда станетъ понятнымъ то, что долгое время составляло загадку русской исторіи — хозяйственный и земельный строй Россіи. Московское царство — необъятная земледѣльческая страна, съ непроходимыми лѣсами и топями, съ безграничными пустынными степями, съ рѣдкими деревнями и селами, разбросанными среди чащъ и пустырей, и громадной столицей — царской усадьбой на московскихъ холмахъ. Историки-материалисты пытались сблизить Московское царство съ западными образцами и расцвѣтить его хозяйственный строй, въ особенности, его торговое и промышленное развитіе. Но это заданіе безнадежно. Московское царство, за столѣтія своего существованія, увеличило свою территорію во много разъ, дошло до Студенаго моря, до моря Каспійскаго, до Великаго океана, вплотную подошло къ морямъ Черному и Балтійскому, но оно почти не увеличило своего населенія и не подняло уровня своей хозяйственной культуры. Незначительный приростъ населенія растекался по необъятнымъ окраинамъ царства, увлекая за собой и коренное населеніе центра, а земледѣльческій промыселъ не далеко ушелъ отъ вѣкового перелого и подсѣвки. Города вмѣщали три человѣка на сто, изъ которыхъ двѣ трети приходилось на Москву. Но и городское населеніе состояло не только изъ торговыхъ людей, но изъ людей папшенныхъ; да и торговый человѣкъ нѣрѣдко занимался оторочничествомъ и косилъ сѣно, да сверхъ того «промышлялъ своей работой или держалъ лавку». Въ XVI в. Московское царство было открыто компаніей англійскихъ мореплавателей, составившихъ «общество купцовъ-искателей» для открытія странъ, земель, острововъ, государствъ

и владѣній невѣдомыхъ и доселѣ морскимъ путемъ не посѣщаемыхъ». Завязалась торговля съ Западомъ. Но вотъ что говорятъ цифры. Монополія западной торговли въ XVI в. находилась въ рукахъ англичанъ. Но весь капиталъ, вложенный англичанами въ московскую торговлю, составлялъ въ 1583 году 130 тысячъ рублей. Въ XVII в. монополія западной торговли перешла къ голландцамъ. Въ среднемъ, въ годъ въ Архангельскій портъ входило 20 — 30 голландскихъ кораблей. А въ то же время, въ Данію и Норвегію голландцы отправляли 500 кораблей и въ Испанію 2.000. Московская торговля по размѣрамъ занимала переходное мѣсто между европейской и колониальной — ближе къ послѣдней — и разсматривалась европейцами, какъ «ничтожный эпизодъ». Такимъ же ничтожнымъ эпизодомъ — хитрой затѣйкой — была и московская фабрично-заводская промышленность. Подражая Западу и заводя у себя «диквинки, какихъ въ Московскомъ государствѣ нѣтъ», московскіе люди поставили въ XVII вѣкѣ нѣсколько десятковъ булажныхъ и пороховыхъ мельницъ, сукопныхъ, бархатныхъ и кашатныхъ фабрикъ, желѣзныхъ, стеклянныхъ и сафьяновыхъ заводовъ. Но вотъ составъ мастеровыхъ людей на *трехъ* казенныхъ звенигородскихъ желѣзныхъ заводахъ: «одежныхъ 2 человекъ, молотовыхъ 6 ч., подмастеревъ 5 ч., поддатей 6 ч., кузнецовъ 4 ч., мельникъ 1 ч.»; да для подготовительныхъ работъ приписаны къ заводамъ 17 человекъ солдатъ. Таковъ же рабочій составъ и на другихъ московскихъ заводахъ. Все фабрично-заводское населеніе Московскаго царства врядъ ли превышало нѣсколько сотъ человекъ, въ лучшемъ случаѣ, достигало нѣсколькихъ тысячъ, а весь фабрично-заводской капиталъ врядъ ли равнялся капиталу англійской торговой компаніи. Московское царство — лѣсная и пашенная страна, со звѣриными ловлями, бобровыми гонями, бортьными ухажьими, съ пашенными и сѣвными угольями, и еще совсѣмъ незаряженная торговой и промышленной лихорадкой Запада.

Еще дальше отъ Запада были общественныя формы хозяйственнаго строенія Московскаго царства. Когда западные люди открыли Московское царство, ихъ поразило одно удивительное обстоятельство: вся эта необъятная страна, растиланная перельями, со всѣми ея землями, лѣсами и водами, со всѣми лучшими и рыбными богатствами, съ городами и селами и со всѣмъ населеніемъ, была имущественнымъ достояніемъ одного смертнаго человека — царя. И на Западѣ вѣрующіе люди того времени говорили: все, что принадлежитъ намъ, принадлежитъ Богу. Но, на землѣ, ихъ имущество принадлежало имъ и никому

больше. Не такъ въ Московскомъ царствѣ. Въ Московскомъ царствѣ все имущество подданныхъ принадлежало Богу и царю. Западные государи временами достигали большой власти надъ подданными. Но всегда ихъ власть останавливалась передъ личностью подданнаго и его имуществомъ. Можно было разорить сосѣднее государство, продать въ рабство его жителей и завладѣть ихъ имуществомъ. Но личность и имущество своего подданнаго, для западнаго государя, всегда оставались неприкосновенными. Обратнo на Востокѣ. Власть восточнаго государя надъ подданными такъ же неограничена, какъ власть Того, кого онъ замѣщаетъ на землѣ. Восточный государь можетъ предоставить подданнымъ свободу трудиться и свободу распоряжаться имуществомъ. Но, если будетъ его воля, подданные отдадутъ ему и трудъ, и имущество; и Законъ при этомъ не будетъ нарушенъ. Такъ же и въ Московскомъ царствѣ. Въ Московскомъ царствѣ, и трудъ, и имущество подданныхъ — во власти царя. Царь ставитъ подданныхъ на работу — царь распоряжается и ихъ имуществомъ. Подданные пользуются своимъ имуществомъ пожизненно или наследственно. Но будетъ царская воля, и ихъ имущество возьмутъ, обмѣняютъ на другое или просто отнянутъ на государя. Потому, московскіе люди не знаютъ западной гордыни собственности. Къ имуществу и богатству они относятся со смиреніемъ и покорностью. Работаютъ, прилагаютъ труды къ трудамъ, копятъ «животы и статки». Но, при этомъ, никогда не забываютъ, что «въ томъ во всемъ воленъ Богъ да государь». Ибо они знаютъ твердо, что не только ихъ трудъ и имущество, но и сами они, и дѣти ихъ — Божья да государевы. Потому и приказываютъ — какъ писалъ въ своемъ завѣщаніи кн. Иванъ Михайловичъ Глинскій — «и душу свою, и дочеринку свое Богу, да государю, воленъ Богъ да государь, какъ ему государю Богъ извѣститъ».

Хозяйство Московскаго царства строилось такъ. Во главѣ хозяйства стоялъ царь. Царь не только властелинъ и правитель царства — онъ его хозяинъ и собственникъ. По московскимъ понятіямъ, царство — домъ, царь — «сильножитель». Какъ сильножитель — хозяинъ домоу, такъ царь управляетъ царствомъ. Потому хозяйственныя заботы царя огромны. Онъ не только ведетъ собственное большое хозяйство — онъ направляетъ и хозяйственную дѣятельность подданныхъ. У него собственныя имѣнія, собственныя рыбныя и бортныя-угодья, соляныя варницы, мастерскія палаты, фабрики и заводы, торговые склады, амбары и конторы; онъ распредѣляетъ земли между

служилыми и крестьянами, отдасть на оброкъ угодыя, разбѣщать торговыхъ и промышленныхъ людей по городамъ, едасть имъ лавки, отводить дворы, ставить на работу мастеровыхъ, самъ торгуетъ и руководить торговлей царства. Потому царскій дворець и царскіе приказы — сосредоточіе не только политическаго управленія, но и управленія хозяйственнаго. Приказы отиравляютъ хозяйственныя распоряженія по всему царству, рассылають по городамъ торговыхъ прикащиковъ, ведутъ прихода-расходныя книги, держатъ на своихъ дворахъ склады товаровъ, матеріала и имущества. Государственные доходы слагаются не только изъ податей и налоговъ — въ казну поступаютъ и доходы съ царскихъ имѣній, съ царскихъ оброчныхъ угодій, отъ продажи штей, отъ царской торговли и царскихъ торговыхъ и промышленныхъ монополій. Для веденія хозяйства царь собираетъ вокругъ себя богатыхъ и лучшихъ людей изъ торговаго класса. Гости большіе и торговые люди гостинной и суконной сотни состоятъ на государственной службѣ такъ же, какъ служилые и приказные и составляютъ главный хозяйственный штабъ государя. За службу они получаютъ чины и льготы, но питаются отъ собственной торговли и промысловъ. Только ихъ положеніе въ царствѣ опредѣляется не ихъ богатствомъ и не ихъ хозяйственными предпріятіями, а ихъ государственной службой. Впередѣ государева служба, потомъ собственная торговля и промыслы. Чтобы управлять хозяйствомъ подданныхъ и имѣть подъ рукою торговыхъ и промышленныхъ людей для государственныхъ нуждъ, царь собираетъ въ столицѣ почти все городское населеніе царства. Въ 1630 году въ стольномъ городѣ царя Москвѣ числилось 200 тысячъ жителей. А на всѣ остальные города приходилось 80-90 тысячъ. И это создавалось не случайно, а по царской волѣ. Когда Иванъ III взялъ Новгородъ, онъ перевелъ въ Москву нѣсколько тысячъ торговцевъ и ремесленниковъ. То же было и съ Псковомъ. Торговля и ремесла Новгорода и Пскова были убиты, а Москва расцвѣтала. Въ Москву переводили торговыхъ и ремесленныхъ людей и изъ старыхъ городовъ царства. Какъ только начнутъ торговые люди въ городахъ «наполняться животами», ихъ вызываютъ въ Москву. Гдѣ объявятся искусные мастеровые, туда идетъ царскій указъ — выслать въ Москву на вѣчное житье съ женами и дѣтьми. Во многихъ городахъ нельзя было найти ни одного каменщика и кирпичника — всѣ выгнаны въ Москву на городовыя и царскія работы. И злые московскіе люди облыгали своихъ недру-

гомь «скорняшнымъ дѣломъ напрасно». чтобы подвести ихъ подъ высылку въ столицу на государеву службу.

Промышленность и торговля Московскаго царства были устроены такъ. Мастеровые люди дѣлались на служилыхъ и тяглыхъ. Служилые мастеровые числились на государственой службѣ и дѣлали государево дѣло: каменное, кирпичное, кузнечное, живописное и всякое иное. Одни мастеровые дѣлали государево дѣло въ мастерскихъ палатахъ при дворцѣ или въ приказахъ; другіе на своихъ дворахъ. Мастера живописнаго, серебрянаго и хамовнаго дѣла были приписаны къ своимъ дѣламъ на вѣчное житье и служили государю вѣчную службу. Кузнецы служили погодно, по перемѣнамъ, и въ свободное время работали на себя. За государеву службу служилые мастеровые получали жалованье, денежное и хлѣбное: одни постоянное, «чѣмъ имъ сытымъ быть мочно», другіе — поденный кормъ, «какъ государево дѣло будетъ». Но главное государево жалованье было не денежное и не хлѣбное, а дворовое и земельное. Государь отводилъ мастеровымъ людямъ дворовые и земельные участки въ слободахъ и посадахъ, на черной государственой землѣ. И съ этихъ участковъ государевы мастеровые служили государю мастеровую службу: какой величины участокъ, такая и служба. Тяглые мастеровые на государственой службѣ не числились и тянули, вмѣстѣ съ другими посадскими людьми, общее посадское тягло. Но и тяглые мастеровые обязаны были работать на государя, когда будетъ нужда и числились на учетѣ въ разныхъ приказахъ. Къ приказу Большаго дворца приписаны были восемь московскихъ слободъ, и слободскіе мастеровые — «котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, и печники, и кирпичники» — повинны были «работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что прилучится безденежно». Такъ же было и въ другихъ приказахъ. Приказы вызывали съ посадовъ добрыхъ мастеровъ по росписи или по столько-то съ десятка: а посадскіе люди ставили мастеровыхъ безъ отказа, по мировой раскладкѣ. — Когда мастеровые люди не служили государю, они работали по подрядамъ или на продажу. Но и тутъ посадскій промыселъ не былъ вольнымъ. По московскому праву, государь могъ взять любой промыселъ на себя и сдать его, кому захочеть, на откупъ. Такъ и поступали московскіе государи. Выищется на посадѣ охочій промышленный человекъ и бьетъ челомъ въ приказъ: «о дачь ему на Устюжѣ въ откупъ мыльной рѣзы и печенія пряниковъ на продажу». И приказъ, лица государственой казны прибыли и радѣя о государственомъ хлѣбѣ,

откупъ даютъ, а откупщику пишутъ грамоту : А опричь его Пронь-
би инымъ стороннимъ людямъ мыла рѣзать и пряниковъ печь на
торгъ на Устюжнѣ не велѣно. Такъ создавались по городамъ цар-
скіе откупа на разные мелкіе промыслы — извозный, точильный,
воскобойный, квасной, свѣчный и многіе иные — и отъ этихъ от-
куповъ, «внелезныхъ и міру досадливыхъ» была городамъ ну-
жа великая, и всякимъ людямъ налоги и продажи, и убытки. —
Еще больше, чѣмъ мелкіе промыслы и ремесла, зависѣла отъ
государя крупная промышленность и торговля. Московская фа-
брично-заводская промышленность возникла въ царскомъ хо-
зяйствѣ и по царскому указу. Когда московскіе люди стали за-
водить у себя западныхъ промышленныя дяковинки, они заводили
ихъ на царское имя и для царской нужды. На царское имя
выписывались иноземные мастера; жаловалъ ихъ государь сво-
имъ великимъ царскимъ жалованьемъ, надѣлялъ добрыми дво-
рами на своей царской землѣ, и дѣлали они его, великаго госу-
даря, дѣло. На царское имя ставились и промышленныя пред-
пріятія. казна выдавала деньги, приказы руководили производ-
ствомъ, и въ царскіе амбары и палаты поступали выработанныя
издѣлія. Такъ создались невѣдомыя раньше московскимъ людямъ
производства — стеклянное, бумажное, сафьяновое и шелковое;
такъ окрѣпли старыя — желѣзное, орудійное и суконное. Если
промышленное предпріятіе не шло, и «ирибыли царскому вели-
честву въ томъ дѣлѣ было мало», царь сдавалъ предпріятіе на
откупъ — жаловалъ откупщика его, великаго государя, склянич-
нымъ или желѣзнымъ заводомъ. Но и въ этомъ случаѣ положеніе
мѣнялось мало. Сданное на откупъ предпріятіе оставалось подъ
неусыпнымъ надзоромъ приказовъ, обязано было работать, по-
чти исключительно, на казну и въ любой моментъ могло быть
снова отписано на государя. Да и самъ откупщикъ числился
на государевой службѣ въ какомъ нибудь приказѣ и, за слу-
жебную провинность, могъ быть подвергнутъ суровому наказа-
нію. По своему хозяйственному положенію, московская фабрично-
заводская промышленность была государственной монополіей:
и, если какое нибудь предпріятіе попадало въ частныя руки, то
съ вѣдома царя и по царской волѣ. — На полной хозяйской
волѣ царя находилась и вся московская торговля. Можно пе-
ребрать все хозяйственныя категоріи западной экономической
науки, и все таки уложить въ нихъ торговые порядки Москов-
скаго царства будетъ трудно. Какъ неограничена власть москов-
скаго царя, такъ неограничена и свобода его хозяйственнаго
распоряженія. Московскій царь былъ не только первымъ тор-

товцемъ царства — во многихъ областяхъ онъ былъ торговцемъ монопольнымъ; и, помимо этого, держалъ въ своихъ рукахъ всю торговлю царства. Царская торговля была устроена такъ. Промышленные и ремесленные предпріятія царя работали, по преимуществу, на дворецъ и на войско. Но часть издѣлій поступала на рынокъ. Въ Москвѣ, на Большомъ гостинномъ дворѣ, стоялъ «шалашъ», въ которомъ продавались государевы стеклянные сосуды. На московскихъ рынкахъ продавались царскіе полотна. Еще больше продуктовъ шло на продажу съ царскихъ промысловъ. Въ царскомъ хозяйствѣ были свои соляные, рыбные и судовые «заводы», на которыхъ ломали и варили соль, коптили и валяли рыбу и строили суда, ходившія по Москвѣ-рѣкѣ и по Волгѣ и развозившія царскіе и иноземные товары. Въ царскихъ лѣсахъ стояли поташные и смольчужные заводы — «его, великаго государя, поташное и смольчужное дѣло». Часть продуктовъ съ царскихъ промысловъ шла на царскія нужды, остальная поступала на рынокъ. На рынокъ поступало и большее количество продуктовъ, вносившихся тяглицами царю въ подать: мѣховъ, хлѣба, лѣса. Вся Сибирь платила ясакомъ мѣхами, и «мягкая рухлядь» составляла одну изъ самыхъ доходныхъ статей казны. Но главное количество царскихъ товаровъ давали царскія торговыя монополіи. Бывали періоды, когда всѣ наиболѣе цѣнные предметы торговли были подъ царской «заповѣдью». Царскими монопольными товарами числились: вино, якра, поташъ, ремень и клей; и временами: пенька, ленъ юфть, сало, мѣха, хлѣбъ и воскъ. Самой значительной изъ монополий была питейная. По всѣмъ городамъ и населеннымъ мѣстамъ царства стояли кабаки — кружечные дворы. — гдѣ продавались царскія питія — вино, медъ и пиво. Тутъ же при кабакахъ были устроены пивоварни и винокурни. Завѣдывали производствомъ и продажей питей кабацкіе головы и цѣловальники, которымъ казна сдавала кабаки на вѣру. Другія монополіи были устроены иначе. Царь объявлялъ опредѣленные товары заповѣдными и запрещалъ ихъ вольную продажу. Царскіе гости разъѣзжали по городамъ и скупали заповѣдные товары по указанной цѣнѣ. Скупленные товары складывались въ царскіе амбары и весной на царскихъ судахъ отвозились въ Москву или приморскіе города, гдѣ продавались московскимъ и иноземнымъ торговцамъ по высокимъ цѣнамъ. Если торговые люди нарушали царскую заповѣдь и сами скупали запрещенные товары, ихъ подвергали наказанію — сажали въ тюрьму, а товары отбирали безденежно на государя. О царской монополіи льна псковскій

лѣтописецъ рассказываетъ : «Въ 1636 году отняли у псковичей торговлю льномъ : не торговать всякимъ людямъ; и гость московскій прислать, велѣно ему купить на государя по указной цѣнѣ московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги — корелки худыя, цѣна невольная, купля пелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда неслезанная, и всей землѣ связа, никто не смѣи ни купить, ни продать». — Подъ царской заповѣдью находилась и торговля съ иноземными купцами. Московская внѣшняя торговля не составляла полной царской монополіи; но за царемъ сохранялось право первой купли. Когда греческіе и персидскіе купцы привозили свои товары въ Московское царство, они не смѣли продавать ихъ частнымъ лицамъ, не показавъ царю. Какіе товары царь отбиралъ для себя или для продажи, тѣ поступали въ казну по закупочной цѣнѣ. Что царь отвергалъ, то поступало на вольный рынокъ. — Не уходила отъ царскаго глаза и мелкая торговля по городамъ. По московскому праву, не только черная городская земля, со стоявшими на ней тяглыми дворами, но и всѣ городскія торговныя помѣщенія считались царскими. По обычаю, царь сдавалъ эти помѣщенія торговымъ людямъ на оброкъ. Но въ нѣкоторыхъ лавкахъ торговали царскіе сидѣльцы. Въ 1701 году, въ Москвѣ однихъ мясныхъ казенныхъ заведеній числилось : 298½ лавокъ, 15 бойницъ, 26½ скамей и 37 шалашей. Но и въ частныхъ лавкахъ торговля не всегда была вольной. Какъ мелкіе городскіе промыслы, такъ и мелкая городская торговля любымъ товаромъ могла быть взята на государя и слана посадскому человѣку на откупъ. И такихъ торговыхъ откуповъ, по московскимъ городамъ, было множество — отъ откуповъ масла, сала, шелка и дегтя, вплоть до сѣнной трухи и плетеныхъ лантей. Вся московская торговля была въ царской рукѣ и направлялась самодержавной царской волей. — Таково хозяйственное — торговое и промышленное — строеніе Московскаго царства. Оно лишь отдаленно напоминаетъ грандіозное злание хозяйственнаго эстатизма древняго Египта. Но это потому, что оно мало, неуклюже и невзрачно. Планъ строенія тотъ же. И весь стиль дышетъ востокомъ. Недаромъ западнымъ людямъ вся Московія казалась азіатской страной, а московскіе рынки — восточными базарами.

Зато земельное строеніе Московскаго царства грандіозно. Московское царство стоитъ на землѣ и на землѣ строить свою твердыню. Московскіе люди — лѣсные и пашенные. Христіанскій народъ — крестьянскій. Землею живутъ государевы си-

роты — черные тяглые люди. Землей живутъ государевы слуги и богомольцы — помѣщики и вотчинники. Землей живетъ и самъ государь-царь со своимъ дворомъ. Пусть земледѣльческое хозяйство московскихъ людей убого. Пусть крестьянская соха только на вершки вздыраетъ московскую пашню. Поражаетъ самый размахъ земледѣльческаго труда; поражаетъ грудовой пафосъ въ освоени безпредѣльныхъ земельныхъ пространствъ. Московское царство идетъ отъ границъ къ границамъ, захватываетъ новыя необъятныя территоріи. «Ширятся предѣлы христіанскіе». И, вмѣстѣ съ христіанскими предѣлами, движутся московскіе пашенные люди и поднимаютъ отъ вѣка нетронутыя новины. Такъ создавалось величайшее царство новаго времени — такъ создавалось и величайшее земледѣльческое хозяйство міра. — Какъ все въ Московскомъ царствѣ, такъ и земля — Кожья да государева. Государь — хозяинъ и вотчинникъ всей земли въ государствѣ. Собирая «всѣ государства Россійскаго царствія» и становясь «всѣа Русскія земли государемъ государь», московскій царь собиралъ въ своей рукѣ не только власть надъ покоренными территоріями — онъ подбиралъ полъ свою руку и земельныя владѣнія — села и деревни. Вѣтя борьбу съ удѣльными князьями, онъ мѣнялъ и покупалъ у нихъ вотчины и дѣлалъ это не всегда съ ихъ согласіемъ. Покоряя, онъ часто сводилъ ихъ съ княжествъ и ихъ земли отписывалъ на себя. Въ 60-хъ годахъ XV вѣка Иванъ III снѣлъ съ ихъ столовъ ярославскихъ князей — «простилъсь они со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичу». На мѣсто князей посаженъ былъ московскій бояринъ, и вотъ что разсказываетъ о немъ мѣстный лѣтописецъ: «А послѣ того, въ томъ же градѣ Ярославѣ явился новый чюдотворецъ Іоаннъ Агафоновичъ, сущей созиратѣй Ярославской земли: у кого село добро, инъ отнялъ; а у кого деревня добра, инъ отнялъ, да отписалъ на великаго князя ю; а кто будетъ самъ добръ, бояринъ или сынъ боярскій, инъ его самого записалъ (на службу); а иныхъ его чудестъ множество не можно исписати, ни исчесати, понеже бо во плоти сущей дьяволь». При покореніи Вятки московскіе воеводы «Вятку всю развели». Еще грозѣе было покореніе Новгорода. Когда Иванъ III въ 1478 году присоединялъ къ Москвѣ Новгородъ, онъ потребовалъ себѣ отъ новгородскихъ бояръ селъ и волостей, «ионже намъ, великимъ княземъ, господарство свое держати па своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того пельѣ». Въ 1484 году «поймалъ князь великій большихъ бояръ новгородскихъ и боярынъ, а казны ихъ и села всѣ пельѣлъ отписати на себя». Въ 1488 году «послалъ князь вели-

ни, и привели изъ Новгорода болѣе семи тысячъ живыхъ людей на Москву». Въ 1489 году «переведе изъ Великаго Новгорода многихъ болръ и жидьныхъ людей, и гостей, вѣхъ голову болши 1000». Такъ перебирала и выводила Иванъ III новгородскихъ вотчинниковъ, а земли ихъ отписывала на себя. Взяты были на государя вотчины владычныя и монастырскія, и боярскія, и «вѣхъ новгородцевъ земли чьи ни буди» — около 4/5 вѣхъ новгородскихъ земель. Такъ же поступили и при покореніи Пскова и другихъ русскихъ областей. Еще проще было при присоединеніи чужихъ земель — Поля, Низа и Сибяри. На южныхъ и восточныхъ окраинахъ царства населенія было мало, и освоенныхъ въ частное владѣніе земель еще меньше. А, по московскому праву, вся пустая порозжая земля — лѣса черныя, поля дикія, и рѣчки, и озера, и острова, и наволоки — все Божье да государево. Потому, чѣмъ болше ширилось Московское царство, тѣмъ болше ширились и земельныя владѣнія государей. Такъ и было всегда въ Московскомъ царствѣ: посреднѣ царства населенныя мѣста и освоенныя угодья, по окраинамъ — необъятныя пространства порозжей государевой земли.

Такою же земельною политикою вели московскіе государи и въ старыхъ областяхъ царства. Земля — главное богатство московскихъ людей и потому должна находиться въ полномъ распоряженіи хозяина-государя. И въ старыхъ областяхъ царства московскіе государи собирали земли въ свою руку и не спускали глазъ съ земельныхъ владѣній подданныхъ. По московскому праву, земельныя владѣнія дѣлятся на черныя, помѣстныя и вотчинныя — служилыя и церковныя. Черныя и помѣстныя земли называются государевыми. «А взыщеть черныи на черномъ или помѣщикъ на помѣщикъ — говорятъ московскіе судейники — за которыми земля царя и великаго князя». На черныхъ земляхъ сидятъ черныя тяглые люди. Черныя волостныя угодья они называютъ «пашинными» землями, и черныя участки — своими «искони вѣчными вотчинами». Какъ вотчичи они наследуютъ, мѣняютъ и дарятъ свои участки и, при нуждѣ, пускаютъ ихъ въ «земляную продажу и закладъ». Только искони вѣчныя вотчины, въ то же время, государевы деревни, а сами вотчичи — государевы царевы и великаго князя крестьяне. И для московскаго слуха тутъ нѣтъ противорѣчія. Ибо, въ Московскомъ царствѣ, настоящій вотчинникъ только одинъ — самодержавный государь, а крестьяне вотчичи — только жильцы и сидѣльцы на его государевой землѣ. Жильцы и сидѣльцы государевой земли вольны распоряжаться своими вотчинами и пускать ихъ въ продажу или завладѣть, но только до государева указа. По го-

судареву указу, продажа и закладъ земли прекращаются или разрѣшаются только изъ «тягла въ тягло и изъ дани въ дань» между «своею же братьею тутошними тяглыми людьми». Кто противъ государева указа черную землю продасть или заложить, тому грозить кнутъ или смертная казнь. Кто противъ указа черную землю купить или возьметъ въ закладъ, у того землю отписываютъ на государя, «чтобы на то смотря не повадно было и инымъ такъ воровать и государева указа ослушатца и безъ государева указа государевыхъ земель покупать». По государеву указу черныхъ крестьянъ снимаютъ съ ихъ участковъ и переводятъ на другіе. Или возьмутъ и отрѣжутъ землю у оныхъ крестьянъ и нарѣжутъ другимъ. И, если будетъ государева воля, тогда и крестьянъ, и ихъ участки, отдадутъ въ помѣстье государевымъ слугамъ или на поминъ души монастырю. Такъ безгранична власть государя и надъ черными землями и надъ черными крестьянами-вотчинами. И крестьяне-вотчники это знаютъ, на своего праведнаго государя не ропщутъ и о своихъ вотчинахъ говорятъ смиренно и вѣжливо: «Те, господине, земля Божія да государя, великаго князя; а роспаша и ржи наша». «Та, господине, земля царева и великаго князя, а моего владѣнія». И, если оговорятся и скажутъ о своихъ вотчинахъ неслобное слово, тогда имъ бытъ жестоко: не говори о государевой землѣ непригожихъ словъ. Въ городѣ Можайскѣ гналъ посадскій человекъ. Тимошка Калипинъ, стрѣлцкихъ лошадей съ черной посадской земли и говорилъ стрѣльцу Семкѣ: «чьи де лошади, не травите нашего хлѣба». На что стрѣлецъ Семка отвѣчалъ: «Мы де и лошади у насъ государевы, а земля государева жъ». Тимошка разсердился и сказалъ: «всѣ де мы государевы, и лошади государевы и луги на Москвѣ, а та де земля наша оброчная». За такія непригожія слова Тимошку судили въ Приказѣ и по государеву указу приговорили: «бить батоги гораздо и посадить въ тюрьму на недѣлю, чтобы ему и иныхъ впередъ не повадно было такихъ словъ говорить».

Какъ черная крестьянская земля, такъ и помѣстная служилая — царя и великаго князя. Помѣстная земля — государево жалованіе за службу. За службу государю служилые люди получаютъ государево жалованіе — хлѣбное и денежное. Но главное жалованіе служилыхъ людей — земельное. Для раздачи хлѣбнаго и денежнаго жалованія государь собираетъ въ своихъ приказахъ хлѣбную и денежную казну; а для земельного раздачи держитъ на строгомъ учетѣ свои царскія земли — земляную казну. Изъ земляной казны и верстаютъ государевыхъ слугъ государевымъ царевымъ и великаго князя жалованіемъ

помѣстнымъ. Потому помѣстная земля — служилая. Съ помѣстной земли государевы слуги служатъ государю походныя, осадныя и иныя службы. Большая служба — большое и помѣстное жалованіе. Малая служба — и помѣстное жалованіе малое. Подымется человекъ на службу — помѣстнаго жалованія прибавятъ. Опадеть, охудѣть — убавятъ. Какъ всякое жалованіе, такъ и помѣстное, государевы слуги получаютъ, пока они собою добры и службой не худы и на царскіе походы выходятъ конны, людны и доспѣшны. А постарѣть служилый человекъ или оскудѣть отъ бѣдности, и станетъ ему «за старостью и за скудостью великихъ государей службы служить не въ мочь» — у него отнимаютъ и помѣстье: «помѣстье деи у него взято и отдано въ раздачу за то, что онъ за бѣдностью не служилъ». Помѣстная земля — государево имущество и дается служилымъ людямъ только на время: кончится служба, и государево имущество возвращается къ государю. Потому служилые люди должны обращаться со своей помѣстной землей, какъ со всякимъ государевымъ имуществомъ — бережно и съ осмотрѣніемъ: помѣстья своего не пустошить и крестьянскихъ дворовъ на помѣстьѣ не развозить. Если же помѣщикъ «то свое помѣстье, живучи, своимъ бездѣльнымъ житьемъ запустошить и крестьянъ своихъ въхъ своимъ насильствомъ отъ себя вонъ изъ помѣстья разогнать», ему грозитъ отъ государя великая опала: помѣстье и крестьянъ у него отнять, а самого накажутъ кнутомъ жестоко: не пустошь государевой земли и не чини государевой казни убытку. Если помѣщикъ, за старостью или за болѣзью, отъ службы увольняется и у него есть сыновья или братья, или племянники, которые въ службу поспѣли, а помѣстнымъ жалованіемъ еще не поверстаны, онъ можетъ, по государеву указу, имъ свое помѣстье сдать. Или, если помѣщикъ захочетъ обмѣнять свое помѣстье на другое, равное на равное, въ помѣстномъ приказѣ, по государеву указу, ему мѣну разрѣшать. Но и тутъ приказные дѣяки строго допрашиваютъ, для какой нужды мѣновщики мѣну дѣлаютъ, и разрѣшеніе на мѣну даютъ только въ томъ случаѣ, если «мѣновые обжи и пашня пашнѣ землю и всякими угодыи и доходомъ будутъ ровны и непусты», а государевой службѣ и государевымъ податямъ отъ той ихъ мѣны убытка не будетъ. Зато, какъ всякое государево имущество, такъ и помѣстную землю, помѣщики не смѣютъ ни продать, ни заложить. За воровской закладъ ихъ бьютъ кнутомъ безъ пощады; а о продажѣ помѣстной земли и въ законахъ не указано: такого воровства въ Московскомъ царствѣ не бываетъ. Пока помѣщики безропотно служатъ государевы службы, своему государю послушны, и въ

государствѣ нѣтъ смуты, помѣщики крѣпко сидятъ на своихъ помѣстьяхъ и правятъ своими крѣпостными крестьянами, какъ государи подданными. Но заведется въ государствѣ взмѣна, и захочетъ государь своихъ помѣщиковъ перебрать, или понадобится государю помѣщичья земля — тогда помѣщиковъ снимаютъ съ ихъ помѣстій, помѣщичью землю отписываютъ на государя, а ихъ самихъ переводятъ въ дальніе уѣзды на новыя помѣстныя жеребья. Такъ велика власть московскаго государя и надъ служилыми помѣщиками и надъ ихъ служилою помѣстной землей. И московскіе служилые люди-помѣщики это знаютъ, на своего великаго государя не жалуются и, какъ черные крестьяне о своихъ тяглыхъ вотчинахъ, такъ и они о своихъ служилыхъ помѣстьяхъ, говорятъ смиренно и онасливо: «отдалъ есмь государева жалованья свою помѣстную пустошь»; «проѣхалъ я своего помѣстьяца, а государеваго жалованья»; «государево жалованіе, даря и великаго князя помѣстье».

Вотчинныя земли государевыми не называются. Вотчинное владѣніе — полное, наследственное и вѣчное. Вотчины крѣпко своимъ владѣльцамъ безлѣтно и безповоротно. Какъ полныя владѣльцы, вотчинники вольны свои вотчины продавать, закладывать, давать въ даръ и завѣщать. Только, какъ всѣ земельныя владѣнія въ Московскомъ государствѣ, такъ и вотчинныя, изъ государевой воли выйти не могутъ. И выше власти вотчинныхъ владѣльцевъ надъ ихъ владѣніями власть самодержавнаго государя и надъ самими вотчинниками и надъ ихъ вотчинами. Потому, какъ всѣ земли въ государствѣ, такъ и вотчинныя, находятся въ полномъ распоряженіи государя, и, когда государю нужно, онъ ихъ поворачиваетъ, какъ хочетъ. А сами вотчинники, какъ всѣ государевы слуги, служатъ со своихъ вотчинъ государю уложеную службу и, если, «забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе» и «не хотя государевы службы служить», службы отбываютъ — по государеву указу, лишаются и вотчинъ. По московскому крѣпостному уставу, уложеную службу съ вотчинъ служилые люди служатъ такъ. Всѣ служилые владѣльцы земли, и помѣщики и вотчинники, должны служить государевы службы «противъ ихъ помѣстій и вотчинъ»: «со ста четвертей добрыя угожей земли человекъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальнѣйшій походъ о дву конѣ». Сколько въ помѣстьѣ и въ вотчинѣ сотъ четвертей угожей земли, столько и коней, и воиновъ. Если у служилаго человека-вотчинника вотчина большая, а служба его и отечество малая, онъ служитъ уложеную службу съ одной своей вотчины, «какъ кому мочно». Если же у служилаго человека служба и отечество большія, а вотчина малая, онъ по-

лучаетъ «противъ своей чести и къ государю службѣ» въ придачу къ вотчинѣ государево жалованіе помѣстной землей. Прибавится у служилыхъ человекѣ вотчина — помѣстнаго жалованія убавится. Убавится вотчина — помѣстнаго жалованія прибавится. Потому, какъ помѣстная земля — служилая, такъ и вотчинная и крѣпится за служилыми людьми, «чтобы имъ было чѣмъ государскую службу служить». И какъ помѣстная земля — государево жалованіе за службу, такъ и вотчинная — разсчитывается въ государевомъ хозяйствѣ, какъ государево служилое жалованіе. Потому и сами служилые люди-вотчинники смотрять на свои вотчины, какъ на государево имущество и обращаются съ ними бережно и осмотрительно. Если же вотчинники своихъ вотчин не берегутъ, и вотчины у нихъ запустѣютъ «не отъ войны, не отъ гоненія и не отъ наезла сосѣдей, а отъ собственного ихъ нестроенія и воровства», вотчинниковъ наказываютъ такъ же, какъ помѣщиковъ — вотчины у нихъ отнимаютъ, а самихъ бьютъ кнутомъ жестоко: не пустошь служилой земли и не чини государю въ службѣ убытка. — «Чтобы въ службѣ убытку не было, и земля бы изъ службы не выходила», московскіе государи строго смотрять и за переходомъ вотчинныхъ земель въ руки въ руки. По московскому праву, вотчина — владѣніе полное, и, по обычаю, оборотъ вотчинныхъ земель ни чѣмъ не ограниченъ. Но такъ бываетъ только до государевой нужды и до государеваго указа. Когда для государеваго дѣла нужно, государи издають указы, которые связываютъ вотчинниковъ, въ оборотѣ вотчинныхъ земель, по рукамъ и по ногамъ: запрещаютъ вотчинныя земли отказывать по дупѣ въ монастыри, запрещаютъ родовыя боярскія вотчины передавать роду далѣе внучатъ, запрещаютъ княжескія вотчины продавать мимо братьевъ и клеманниковъ, мѣнять, дарить, давать въ приданое дочерямъ, завѣщать даже ближнимъ родичамъ «безъ нарева и великаго князя вѣдома и безъ доклада». Отдадутъ вотчинники свои земли, противъ государева указа, въ монастыри — вотчины отписываютъ безденежно на государя; умретъ бояринъ или сынъ боярскій бездѣтнымъ, «а ближняго роду и духовныя у него не будетъ — и та вотчина государя царя и великаго князя»; завѣщаетъ вотчинникъ — князь свою вотчину братьямъ или племянникамъ — завѣщаніе докладываютъ государю, «и государь того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому которую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинить». И такихъ царскихъ указовъ объ обращеніи вотчинныхъ земель издается многое множество. Какъ сами служилые вотчинники всю свою жизнь состоятъ на государевой службѣ и шагу ступить не смѣютъ безъ вѣдома государя, такъ и ихъ служилыя вотчины не

выходить изъ государевой воли. Государя сами знаютъ, «чѣмъ кого пожаловать и кто чѣмъ пужень», и какъ устроить вотчины, чтобы служба съ нихъ шла вправду, безъ лжи — потому и не выпускаютъ вотчинный оборотъ изъ своихъ рукъ и направляютъ его такъ, чтобы, рано или поздно, всѣ вотчины возвращались въ царское лоно — царскую земляную казну. — Чтобы вернуть вотчинныя земли въ свою казну, государя не останавливаются и передъ прямымъ отнятіемъ вотчинъ у ихъ владѣльцевъ и отпиской вотчинныхъ земель на себя. По московскому обычаю, вотчинныя земли — владѣнія старинныя и переходятъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ. А московскіе государя блюдутъ старину въ своемъ царствѣ и не любятъ ее ломать даже въ земельныхъ дѣлахъ; ибо они хорошо знаютъ, что, если поворачивать то, «что задавибло, и въ томъ межъ людей будетъ многая ссора и брань». Потому, и въ вотчинныхъ дѣлахъ московскіе государя ведутъ политику мудрую и осторожную и, если отписываютъ вотчинныя земли на себя, то только въ крайней нуждѣ, когда иначе великаго государева дѣла устроить невозможно. Зато, когда нужда приходитъ, и государево дѣло этого требуетъ, тогда московскіе государя дѣйствуютъ рѣшительно и безъ оглядки и поварачиваютъ вотчины, куда нужно, твердой рукой. Съ основанія царства и до самой Смуты идутъ царскіе указы о взятіи вотчинъ на государя, о раздачѣ вотчинной земли служилымъ людямъ въ помѣстье и о переводѣ вотчинныхъ владѣльцевъ съ однихъ земель на другія. Ту политику вывода и перебора людей и земель, которую съ безпощадной суровостью московскіе государя проводили въ цокоренныхъ областяхъ, осторожно, но настойчиво они проводили и въ старыхъ областяхъ царства. И въ старыхъ областяхъ царства московскіе государя снимали неудобныхъ вотчинниковъ съ ихъ старинныхъ родовыхъ владѣній, мѣняли своюю властью вотчины на вотчины и вотчины на помѣстья и передѣляли вотчинныя земли такъ же свободно и увѣренно, какъ земли помѣстныхъ и черныхъ. Московскіе государя — самодержцы полные и неограниченныя, вольны своихъ людей казнить и миловать, вольны своихъ слугъ и работниковъ ставить на службу и работу — вольны и ихъ земли — и черныя, и помѣстныя, и вотчинныя — устраивать такъ, какъ этого требуетъ государево дѣло: передавать изъ однихъ рукъ въ другія или брать на себя. Потому, когда самодержавный царь Иванъ Васильевичъ Грозный раздѣлялъ Московское царство на двѣ половины, опричнину и земщину, — «всю землю державы своей, яко сѣкирою наполю нѣгако разсѣче» — и въ цѣлой половинѣ царства — опричинной — перебралъ всѣ земли, и всѣ пере-

дѣлать наново, онъ не совершилъ ничего небывалаго и нарушающаго московскій законъ и обычай. Онъ только съ большимъ размахомъ и въ короткое время довелъ до конца то, что острожно и въ теченіе вѣка дѣлали всѣ его предки. «Обычай есть издавна — писалъ непокорный царскій слуга Курбскій — московскимъ княземъ желати братій своихъ прови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего». И еще въ письмѣ къ Грозному: «Единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертми поморилъ еси и отнялъ движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ». Правильно ли поступалъ Иванъ Грозный, когда онъ игралъ Божьими людьми и казнилъ въ своей опалѣ измѣнниковъ, и нужны ли были для государева дѣла тѣ крайнія мѣры земельнаго передѣла, которыя онъ проводилъ съ безпощадной прямою, или его суровая политика была роковой ошибкой, которая привела государство на край гибели. — объ этомъ историки будутъ спорить долго. И еще труднѣе споръ: былъ ли Грозный большимъ и безумнымъ человекомъ, совершавшимъ страшные поступки, преслѣдуемый навязчивыми идеями, или широкой русскою натурой, которая все, что дѣлаетъ, дѣлаетъ съ большимъ перехватомъ. Но вогь что безспорно: и ошибки историческихъ дѣятелей отвѣчаютъ нуждамъ эпохи; и въ безуміи великихъ людей слышатся отзвуки историческаго разума. Потому, какъ ни судить Грознаго, его земельная политика — не личная прихоть. Она не имѣла начала и не имѣла конца. Она только звено въ длинной цѣпи, начало которой — въ основаніи царства, а конецъ тянется до нашихъ дней. И послѣ Грознаго государи поворачивали вотчины, какъ находили нужнымъ. И послѣ Грознаго, вотчинное право на землю — полное, но совсѣмъ не священное и не неприкосновенное. Въ годы разрухи и безгосударья не мало земель было захвачено неправдою и воровствомъ; но, когда на московскій тронъ взошли законные государи, они больше заботились о томъ, чтобы утишить ссору и челобитья межъ людей, чѣмъ о возстановленіи законныхъ правъ владѣнія. И, когда государево дѣло потребовало, самъ типайшій царь Алексѣй Михайловичъ отнялъ у владѣльцевъ всѣ вотчинныя земли въ городахъ и около посадовъ и всѣ отписалъ на себя. Священное право владѣнія было въ Московскомъ царствѣ, но это было право *государево*. И неприкосновеннымъ владѣніемъ было то, которое принадлежало самодержавному царю.

Въ Московскомъ царствѣ были, однако, земельныя владѣнія, передъ которыми московскіе государи, несмотря на всю свою

власть, останавливались въ колебаніи: владѣнія церковныя. И не потому, что церковныя владѣнія неповинны государю. Какъ всё земельныя владѣнія въ московскомъ государствѣ, такъ и церковныя исходятъ отъ царя и крѣпки только его пожалованіемъ. И церковныя вотчины — и патриарховы, и митрополитовъ, и епископовъ, и монастырей — «государево богомолье». Государевы богомольцы владѣютъ вотчинами потому, что и освященный чинъ твердо стоитъ въ царскомъ крѣпостномъ уставѣ и дѣлаетъ государево дѣло: служить службы въ святыхъ церквахъ, молить Бога о царѣ и о всѣхъ христіанахъ, поминать души усопшихъ и призываетъ нищихъ, сиротъ и убогихъ; и съ церковныхъ вотчинъ идетъ государева уложеная ратная служба. Чтобы не выпускать церковныхъ вотчинъ изъ своей власти, государи строго смотрятъ за церковнымъ вотчиннымъ хозяйствомъ, назначаютъ въ церковное управление своихъ приващниковъ и запрещаютъ всякій оборотъ церковныхъ земель. Когда бываетъ нужда, государи отписываютъ церковныя вотчины на себя или мѣняютъ своей властью однѣ вотчины на другія. И, все таки, положеніе церковныхъ земель въ Московскомъ царствѣ особое. Когда московскіе цари отписываютъ церковныя земли на себя или поворачиваютъ ихъ иначе, они это дѣлаютъ не только съ обычной осторожностью, блюдя старину царства и боясь ссоры и брани межъ людей — въ ихъ актахъ чувствуется еще неувѣренность въ правотѣ своего дѣла и страхъ передъ Божьей грозой за совершаемый грѣхъ. Ибо, по святымъ правиламъ православной церкви, церковныя земли даны Богу. И что дано Богу, не можетъ быть отнято у Него никакой земной властью. Потому церковныя земли должны сохраняться за церквами въ вѣкъ неподвижно, не могутъ быть проданы или заложены — не могутъ быть и взяты у церкви даже самодержавными царями. «Всѣми Божественными соборы, вселенскими и помѣстными, не велено святителемъ и монастыремъ церковныхъ стяжаній недвижимыхъ ни продати, ни отдати... и великими страшными клятвами о томъ утверждено непоколебимо и нерушимо быти во вѣки вѣковъ... Понеже вся таковая стяжанія церковная Божія суть, возложена и нарѣченна чю дана Богу и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ въ вѣкъ вѣка». Кто возьметъ Божіе, тотъ будетъ Богу повиненъ, и гнѣвъ Божій будетъ на немъ. Какъ возглашаютъ въ чинѣ православія: «Вси начальствующіе обидящіе святыя Божія церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села... да будутъ прокляты». Вотъ почему московскіе цари останавливались въ колебаніи передъ церковными вотчинами. Вотъ почему даже Грозный царь,

передѣлившіи земли половины царства, не рѣшился, несмотря на нужду, отписать церковныя земли на себя. Правда, въ концѣ концовъ, и церковныя земли не избѣгли общей судьбы земельныя владѣнія — возвращенія въ царское лоно. Когда страхъ передъ Божьей грозой ослабъ, а нужда въ землѣ окрѣпла, государи отняли у церкви всѣ ихъ земельныя владѣнія и всѣ отписали на себя. Но это случилось позже, когда московскіе цари стали всероссійскими императорами. Въ Московскомъ царствѣ церковныя владѣнія еще стоятъ непоколебимо.

Таковы формы земельного владѣнія въ Московскомъ царствѣ. По существу своему, всѣ онѣ — зависимыя и условныя. Всѣ онѣ исходятъ отъ царя и къ царю возвращаются. Вся іерархія владѣній подчинена началу московской жизни — самодержавному царю. Самодержавный царь — священный владѣлецъ всей земли Московскаго царства. — Будучи владѣльцами всей земли царства и ея неограниченными распорядителями, московскіе государи мало заботятся, однако, о самомъ земледѣльческомъ промыслѣ и о земледѣльческомъ хозяйствѣ. Московское земледѣльческое хозяйство такъ убого, системы хозяйства — переделъ и трехполье — такъ несложны, что не требуютъ особыхъ царскихъ заботъ и указаній. Крестьяне сами знаютъ, какъ вспахать землю и что посеять — рожь или просо. Помѣщики сами знаютъ, какъ устроить свое хозяйство — сдать ли землю на оброкъ крестьянамъ или завести барскую запашку. Рабадая земли въ помѣстьяхъ, государи наказываютъ помѣщикамъ «тѣ пустоши распахать и крестьянъ на нихъ называть и учинити ихъ въ жилѣ». Самая приборныхъ людей на помѣстныхъ жеребья въ новыхъ мѣстахъ, царскіе воеводы берегутъ накрѣпко, чтобы служилые и жилецкіе люди пашню заводили и указныя свои земли пахали, и хлѣбъ сѣяли безпереводно; и, если служилые жилецкіе люди пашень своихъ не пахутъ и хлѣба не сѣютъ, воеводы заставляютъ ихъ «пашню пахать и хлѣбъ сѣять и въ неволю съ наказаніемъ». Переписывая черныя государевы земли, писцы строго приказываютъ крестьянамъ, «чтобы имъ впредь свою тяглую пашню пахать всю, а впустѣ ея не положить... чтобы государевы земли впредь впустѣ не были и лѣсомъ не поросли», и чтобы пашня не запереложѣла. Но на этомъ царскія заботы о помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ и кончаются. Если служилые люди со своихъ помѣстій вѣрно служатъ свои службы, а пашенные крестьяне со своихъ жеребьевъ исправно тянутъ тягло, и царской казны и царскому дѣлу отъ ихъ службы и тягла убытка вѣту, государи мало интересуются ихъ земледѣльческимъ промысломъ и предоставляютъ имъ вести ихъ па-

пенное хозяйство, какъ они найдутъ нужнымъ.— Не велики царскія заботы и о своемъ собственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ дворцовыхъ селахъ царскіе прикащики заводятъ государеву десятинную пашню, съ которой идетъ хлѣбъ и другіе припасы на царскій столъ и въ царскія житницы, и на которой государевы дворцовые крестьяне отбываютъ царскую барщину; государь же наказываетъ своимъ крестьянамъ, «чтобы они на насъ, великаго государя, пашню пахали съ радостью, и ни о чемъ бы не оскорблялись». На окраинахъ царства, въ Сибири и Польскихъ городахъ, царскіе воеводы заводятъ государеву десятинную пашню и на черныхъ земляхъ и заставляютъ черныхъ крестьянъ и всякихъ чиновъ людей подъ надзоромъ избранныхъ замолотчиковъ и подъ своимъ собственнымъ руководствомъ, пашню пахать и хлѣбъ сѣять, для выдачи хлѣбнаго жалованья служилымъ людямъ и для пополненія государевыхъ житницъ на случай неурожая. Но вся государева десятинная пашня, во всемъ царствѣ, не составляетъ и малой доли необытной московской запашки, да и та, которая есть, ведется неаккуратно и безхозяйно. — Хозяйственные заботы московскихъ государей, въ земельной области, инныя. Онѣ всецѣло направлены не на производство, а на распределеніе — не на земледѣльческій промыселъ, а на земельное устройство и разверстку. По московскому крѣпостному уставу, всѣ государевы люди въ царствѣ, и большіе, и малые, должны служить государевы службы и тянуть государево тягло. Никто въ «государевой вотчинной землѣ» въ избыли быть не смѣетъ. Съ чего служилые люди могутъ служить свои службы, а тяглые тянуть тягло? Чѣмъ служилымъ и тяглымъ людямъ жить и кормиться? — Только съ земли и землею. Посадскихъ людей, въ Московскомъ царствѣ, мало; да и тѣ, чтобы жить и тянуть тягло, должны, въ пригородныхъ мѣстахъ, сѣять хлѣбъ и косить сѣно. Въ уѣздахъ промышленныхъ и торговыхъ людей еще меньше, а ремесленнымъ людямъ тамъ «держаться не у чего». Если служилые люди не поверстаны царскимъ жалованіемъ — земельными окладами, по ихъ чинамъ и службѣ, и если царскіе воеводы и писцы не отвѣдутъ имъ ихъ земельныхъ дачъ сполна; если тяглые крестьяне въ пашню не построены и землями не удовлетворены, тогда и служилые и тяглые люди бродятъ межъ дворь голодные и безпомощные, а царская казна и царское дѣло терпятъ неисчислимые убытки. Тогда въ Московскомъ царствѣ начинается смута и разореніе, и государству грозитъ гибель. Вотъ почему, московскіе государи, блюдя свою казну и свое великое царственное дѣло и бережа своихъ людей и тишину и покой царства, всѣ свои заботы направляютъ на то, чтобы всѣ лю-

де въ государствѣ, и большіе, и малые, были поверстаны земельными окладами, каждый по своему достоинству и званію, и чтобы всѣмъ людямъ въ государствѣ было отмѣрено столько земли и угодій, сколько кому государева жалованья дано. Вотъ почему такъ велики заботы московскихъ государей о земельномъ устройствѣ и разверткѣ. — Въ заботахъ московскихъ государей о земельномъ устройствѣ и разверткѣ слышатся и другіе мотивы. По московскому уставу, московскіе люди, и большіе, и малые, не знаютъ никакихъ прирожденныхъ правъ и вольностей. Всѣ они только царскіе слуги и работники. Всѣ они только Божьи и государевы рабы. Назначеніе московскихъ людей въ царствѣ: служить и работать Богу и государю головами своими и всей душой; а за службу и работу довольствоваться Божьими даяніями и царской милостью и жалованіемъ. Другого назначенія у московскихъ людей въ царствѣ нѣтъ. Вотъ почему московскіе люди, не зная никакихъ правъ и вольностей, не знаютъ и священнѣйшихъ правъ владѣнія. Вотъ почему такъ терпѣливо и безропотно покоряются они, когда ихъ земли и имущества отписываютъ на царя. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Царь далъ, царь и взялъ. Но, если московскіе люди не знаютъ никакихъ правъ и вольностей, это не значитъ, что въ Московскомъ царствѣ царить неправда и произволь, и что все царство строится на прихоти царя. Справедливо обратное. Московское царство строится на крѣпкихъ устояхъ православной вѣры и устанавливаетъ строгій чинъ жизни, а московскіе государи стремятся утвердить правду межъ людей и поставить весь государственный порядокъ на мѣрѣ. Московскіе государи — «истинные», «праведные», «пари правды». Только правда московская особенная, совсѣмъ не похожая на западную. Московская правда заключается въ томъ, что всѣ люди въ государствѣ, и большіе, и малые, за свою работу и службу, которая они беззавѣтно и съ чистой душой несутъ Богу и государю, получаютъ царскую милость — государево жалованіе, каждый по своему чину и достоинству, каждый по своей службѣ и работѣ, всѣ въ равенствѣ, безъ лжи и грѣха, чтобы всѣмъ людямъ въ государствѣ было чѣмъ государеву службу служить и государево тягло тянуть, и чтобы всѣ люди въ государствѣ жили въ довольствѣ и радости. Московскій царь — рассказываетъ лѣтописецъ — относится съ любовью «ко всѣмъ подъ рукою его, къ вельможамъ и къ середнимъ, и ко младымъ, и ко всѣмъ равно, по достоянію всѣхъ любить, всѣхъ жаждетъ и удовлетворяетъ уроки вправду противъ ихъ трудовъ, мзды имъ воздастъ по ихъ отчеству и службѣ; ни единого же забвенна взиѣти отъ своего жалованья хощетъ, также никого ни

отъ кого обидима видѣти хочеть». Въ царской любви и милости ко всемъ людямъ въ государствѣ, и большимъ, и малымъ, и въ царскомъ жалованіи, каждому по его трудамъ и достоянію, и заключается московская правда. Потому, когда московскіе государи, въ гнѣвъ и огазъ, казнятъ своихъ измѣнниковъ и перебирають, для своей нужды, безъ разбора все земельныя владѣнія своихъ слугъ и сиротъ, московскіе люди терпятъ и покоряются. Но если московскіе государи, забывъ свою отвѣтственность передъ Богомъ за порученныхъ ему людей и отвратя отъ своихъ людей свою любовь и милость, за ихъ честную и непорочную службу и работу, лишаютъ ихъ своего жалованья или жалуютъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ не противъ ихъ чину и достоинства, тогда московскіе люди ропщутъ и обижаются и бьютъ государю челомъ, что они «передъ своею братьею въ царскомъ жалованьи оскорблены» и «въ позорѣ вконецъ погнѣбли». Оскорблены не только московскіе люди — оскорблена великая правда царства, нарушенъ царскій уставъ и чинъ жизни. Вотъ почему московскіе государи, блюдя правду въ царствѣ и охраняя свой царскій уставъ, больше всего заботятся о томъ, чтобы все люди въ государствѣ были поверстаны царскимъ жалованьемъ въ Божью правду, безгрѣшно, и чтобы все люди въ государствѣ были Божиимъ дарованіемъ и царскимъ жалованіемъ довольны. А такъ какъ царское жалованіе, больше всего, жалованье земельное, то московскіе государи и направляютъ свои главныя заботы на праведное устроеніе земли и на ея равномерную разверстку.

Чтобы все люди въ государствѣ были устроены землями въ Божью правду, по чинамъ и окладамъ, и чтобы земля была разверстана въ ровенствѣ; чтобы все государевы люди, и служилые, и тяглые государевы службы служили и государеву тяглу тянули противъ своихъ помѣстій и вотчинъ, и жеребьевъ, «сколько подѣлѣмъ лежитъ земли»: чтобы служилая земля изъ службы, а тяглая изъ тягла не выходила, московскіе государи держатъ на строгомъ учетѣ все земли въ государствѣ и безпрестанно «обновляютъ царство» земельнымъ дозорами и описаніями. Московскія земельныя переписи — грандіозныя предпріятія, какихъ не знала тогдашняя Западная Европа, и сравненіе съ которыми могутъ выдержать только «подсчеты» и «исчисленія» древнихъ восточныхъ теократій — Египта и Китая. И это неудивительно. Ибо, подобно восточнымъ переписямъ, московскія книги письма и мѣры — не просто земельный кадастръ царства; это опись царскаго имущества, царской земельной казны, на которой держится вся царская служба и тягло. Присоединивъ новую область къ

царству, московскіе государи немедленно посылають туда писцовъ и дозорщиковъ, которые дозирають и мѣряють всё пашенныя земли и угодыя области и производятъ опись городовъ, селеній и дворовъ. И въ старыхъ областяхъ царства, даже самыхъ отдаленныхъ, московскіе писцы и мѣрщики почти непрерывно объѣзжаютъ уѣзды за уѣздомъ, нишуть и мѣряють владѣнія помѣстныхъ и вотчинныхъ, и церковныхъ, и волости дворцовыя и черныя, и всякія земли, чьи ни буди, и въ нихъ села и деревни, и починки, и въ селахъ, деревняхъ и починкахъ строенія и дворы, жилые и пустыя, крестьянскіе и бобыльскіе, и во дворахъ людей, и пашенныя угодыя и непашенныя — дуга и льбъ, и, описавъ все и смѣтивъ, кладутъ землю и дворы въ сошное письмо, кому съ чего государевы подати платить. Описывая и мѣряя, и кладя въ сошное письмо, писцы и дозорщики должны писать и окладывать всёхъ вправду, безъ всякой хитрости и безъ посуловъ и смотрѣть пакрѣпко, чтобы государевой казнѣ убыли, а крестьянамъ лишней тягости не было; а крестьяне и помѣщики должны своихъ земель и угодій отъ писцовъ не таить и въ сказкахъ писать все неложно, прямо, вправду, по государеву крестному цѣлованію; если же помѣщики и крестьяне писцовъ въ чемъ обведутъ или въ сыску про что вправду имъ не скажутъ, и тѣмъ помѣщикамъ и крестьянамъ — грозятъ царскіе наказы — быть отъ государя «въ великой опалѣ и въ казни, а у кого что сыщутъ, и тѣмъ быти казненнымъ смертью». Окончивъ письмо и мѣру, писцы и дозорщики составляютъ, по волостямъ и уѣздамъ, перечни дворовъ и людей, земель и угодій и списываютъ все въ писцовыя книги, которыя отвозятъ въ Москву, гдѣ онѣ хранятся въ Помѣстномъ приказѣ и въ приказѣ Большого дворца. Въ Помѣстномъ приказѣ хранятся и помѣстныя и вотчинныя книги, гдѣ писцы и подьячіе отмѣчаютъ переходы помѣстій и вотчинъ изъ рукъ въ руки. По этимъ книгамъ московскіе государи всегда знаютъ, гдѣ и сколько за кѣмъ земель и угодій, и какія съ кого идутъ службы и подати. Если писцовыя книги застарѣють, и подати по нимъ идутъ не въ правду, съ нихъ легко, а съ другихъ тяжело, «и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная», тогда московскіе государи начинаютъ новое письмо и снова обновляютъ Землю писцами и дозорщиками. Таковы земельныя переписи Московскаго царства.

Московскіе писцы и дозорщики не только пишутъ и мѣряють царскую землю и кладутъ ее въ тягло — вмѣстѣ съ письмомъ и мѣрою они устраиваютъ землями царскихъ людей и разверстываютъ между ними царское земельное жалованіе. И, если

письмо и мѣра — одно изъ самыхъ грандіозныхъ предпріятій Московскаго царства, то земельное устройство и разверстка еще грандіознѣе. Въ Московскомъ царствѣ земли много — великое море-океанъ; есть мѣстности, гдѣ путешественники блудятъ днями, не встрѣчая ни жилья, ни живой души. Но, если въ Московскомъ царствѣ земли много, это не значитъ, что и земельной казны для раздачи служилого жалованья у московскихъ государей всегда вдоволь, и что служилые люди получаютъ свое земельное жалованье сплона. Дѣло обстоитъ иначе. Земли для раздачи служилого жалованья въ Московскомъ царствѣ всегда мало, и земельной казны у московскихъ государей всегда не хватаетъ. И это естественно. Ибо въ раздачу служилымъ людямъ идетъ не всякая земля, а, по преимуществу, живущая и угожая, и не во всѣхъ областяхъ царства, а только въ тѣхъ, гдѣ служилые люди служатъ свои службы. Служилые люди служатъ не съ одной земли, а съ земли и крестьянъ — съ земли оживленной — и, если на землѣ крестьянъ нѣтъ, съ пустой земли имъ «подняться и на службѣ быть не мочно»; а на неугожую землю и крестьянъ посадить трудно, и, если посадить насильно, все равно они ее бросятъ впустѣ и разбредутся розно. Но жилья земли, въ Московскомъ царствѣ, за рѣдкостью и разбродомъ населенія, — только островки среди пустошей; а угожія пашенныя мѣста, во многихъ областяхъ, со всѣхъ сторонъ обступаютъ черныя лѣсы и блатъ, и мхи, и непроходимыя дебри. Потому, несмотря на земельный просторъ, живущей и угожей земли, въ Московскомъ царствѣ, всегда мало. Потому, и земельной казны для раздачи служилого жалованья всегда не хватаетъ. — То же — благодаря областной разверсткѣ земельного жалованья. Служилые люди большую часть своей жизни проводятъ не на землѣ, а на службѣ, въ городахъ и въ посёлкахъ, и даже, когда на землѣ, должны быть всегда готовы къ походу, не только сами головами своими, но и со своими ратными людьми — сколько полагается съ ихъ земли по уложенію. Если служилымъ людямъ отведутъ ихъ земли не по мѣсту службы, а въ другомъ концѣ царства, служилымъ людямъ съ тѣхъ земель «великаго государя службы служить не въ мочу». Потому московскіе государи стараются отводить служилымъ людямъ ихъ земельныя дачи въ тѣхъ областяхъ, гдѣ идетъ ихъ служба: думнымъ и московскимъ чинамъ, которые служатъ съ Москвы — въ подмосковныхъ уѣздахъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ — по городамъ. «кто откуда служить». Вотъ почему въ Московскомъ царствѣ есть области — Сибирь и Поморье — гдѣ земля, даже живущая и угожая, не идетъ въ служилое жалованье, и гдѣ потому служилой земли нѣтъ,

и другія области — Замосковье и Украинные города — гдѣ вся земля идетъ въ раздачу служилымъ людямъ, и гдѣ царскіе писцы учитываютъ каждую четверть, чтобы выкроить лишній служилый жеребей. Вотъ почему, въ Московскомъ царствѣ, служилые люди только въ рѣдкихъ случаяхъ получаютъ свое земельное жалованье сполна и тратятъ много трудовъ и времени, приискивая свободную землю для исполненія оклада; а царскіе воеводы и мѣрщики кладутъ много заботъ и старанія, чтобы разверстать служилыхъ людей землями, всѣхъ въ ровенствѣ, и чтобы никто изъ служилыхъ людей передъ своей братьею въ царскомъ земельномъ жалованіи не былъ обиженъ. — Устройство служилыхъ людей землями и разверстка между ними земельного жалованья, въ Московскомъ царствѣ, производится такъ. На смотрѣхъ и разборахъ царскіе воеводы и дьяки, съ выборными окладчиками, смотрятъ и разбираютъ служилыхъ людей, которые служатъ съ одного города, ставятъ ихъ въ статьи-разряды, по ихъ отечеству и дородству, и по статьямъ верстаютъ царскимъ жалованіемъ — помѣстными окладами. Неслужилыхъ новиковъ расписываютъ въ разборные списки «порознь, кто каковъ собою, добръ ли или середній, или худъ», и верстаютъ новичными окладами, стариковъ и увѣчныхъ, которые «изъ государевы службы выбыли», верстаютъ помѣстьями на прожитокъ, а старослужилымъ людямъ прибавляютъ или убавляютъ оклады по ихъ службѣ: которые собою и службою добры, а помѣстными окладами поверстаны мало, тѣмъ окладовъ прибавляютъ; а которые собою и службою худы, а верстаны помѣстными окладами большими, у тѣхъ оклады убавляютъ. Разобравъ всѣхъ служилыхъ людей на статьи и поверставъ ихъ помѣстными окладами, воеводы и дьяки составляютъ служебные и окладные списки-десятины и посылаютъ ихъ въ Разрядный приказъ, гдѣ вѣдома вся служба царства. Для выдѣла земельныхъ дачъ и исполненія служилыхъ людей по ихъ окладамъ Разрядъ посылаетъ память и окладные списки въ Помѣстный приказъ, гдѣ «вѣдома... всего Московскаго государства земля и что кому дано помѣстья и вотчинъ». Если у Помѣстнаго приказа есть порозжія земли, на которыхъ можно исполнить служилыхъ людей, онъ посылаетъ своихъ писцовъ и мѣрщиковъ, которые пишутъ и мѣряютъ, и разверстываютъ указанныя въ раздачу земли, и отдѣляютъ ихъ служилымъ людямъ противъ ихъ окладовъ въ помѣстья. Если же Помѣстный приказъ служилыхъ людей не исполняетъ, тогда служилые люди сами приискиваютъ себѣ помѣстья изъ порозжей земли или изъ земельныхъ липковъ у другихъ помѣшниковъ, что у тѣхъ «сверхъ ихъ вотчинныхъ дачъ и помѣстныхъ сб-

ладовъ», и бьютъ челомъ въ Помѣстномъ приказѣ объ отводѣ имъ присканной земли въ ихъ оклады. Помѣстный приказъ велитъ земскимъ властямъ или воеводѣ послать на присканную землю, «кого пригоже, кому земляное дѣло за обычай», и про- извести обыскъ, впрямь ли та земля «порозжа и не отдана ни- кому, и никто ею не владѣть», и, если по обыску окажется, что земля порозжа, и никому не отдана, отказываетъ челобитчи- камъ просимую землю въ ихъ помѣстное жалованье. — Отказы- вая и отводя, и отдѣляя служилымъ людямъ ихъ помѣстные же- ребья, и разверстывая между ними царское земельное жалова- нье, писцы и мѣрщики смотрять накрѣпко, чтобы всѣ служилые люди были устроены землями, противъ ихъ окладовъ, поровенно, и чтобы никому изъ служилыхъ людей при раздѣлѣ земли не бы- ло обидно. Если служилой земли для раздачи помѣстнаго жало- ванья много, писцы отдѣляютъ служилымъ людямъ ихъ земель- ныя дачи противъ окладовъ сполна. Если земли для раздачи мало, писцы отдѣляютъ земельныя дачи въ половину оклада или въ третей, или четвертый жеребей и разверстываютъ между помѣ- щиками добрыя и худыя земли противъ ихъ дачъ поровну—паш- ню паханую и черелогъ, и заросли, и пашенныя дубравы. А, если добрыя и худыя земли поровну разверстать невозможно, тогда пис- цы одабриваютъ земли, наддавая на худыя и середнія земли лиш- ку противъ добрыхъ: за 100 четвертей доброй земли отводятъ 125 четвертей средней или 150 худой. Разверстать между помѣщи- ками пашенныя земли — добрыя и середнія и худыя — писцы разверстываютъ между ними уголья — лѣса, и покосы, и рѣчки, и озера, и всякія иныя. Если угодій много, писцы отводятъ по- мѣщикамъ столько угодій, сколько полагается по наказамъ. Есте- ли угодій мало, писцы разверстываютъ уголья между помѣщика- ми по пашнѣ, «какъ гдѣ доведется», и берегутъ накрѣпко, что- бы всѣ помѣщики всѣми угодьями были изверстаны по пашнѣ поровну, и чтобы въ помѣстьяхъ «пашня и всякія уголья были равны». Разверстывая между помѣщиками пашни и уголья, писцы вмѣстѣ съ земельнымъ жалованіемъ, разверсты- ваютъ между ними и царское людское жалованье — кре- стьянъ и бобылей. Кладутъ на 100 четвертей пашни по столь- ко-то дворовъ и людей и отдѣляютъ помѣщикамъ живущее и пу- стое по пашнѣ поровну — «пловитно по четвертямъ». И, если писцы царскаго жалованья крестьянъ и бобылей разверстаютъ не вправду, не по пашнѣ поровну, тогда помѣщики жалуются на обиду и бьютъ государю челомъ: «а намъ, государь, доставалосъ на 100 чети по три или по четыре бобылишка, а тому Григорью да Ивану досталось на 100 чети по 12 мужиковъ дутчихъ. А по

вашему государскому указу и по выписи велено было напередъ намъ... дачи наши выдѣлить сполна, жило и пусто по четвертямъ.» Разверставъ между помѣщиками земли и уголья, и людей и, отдѣливъ или отказавъ имъ ихъ земельныя дачи, писцы составляютъ объ отдѣлѣ и отказѣ отдѣльныя и отказныя книги и посылають ихъ въ Помѣстный приказъ для храненія и справки, «для вѣдома и спору» — «чтобъ впередъ тяжа не была о водахъ и о земляхъ: что кому дано, тотъ тѣмъ и владѣй». Но такъ только до сѣвдующей разверстки. Когда приходитъ новое верстаніе, тогда служилыхъ людей снова смотрять и разбирають, и ставятъ въ статьи, снова верстають земельными окладами и, переверстають оклады, переверстывають по окладамъ земли: у однихъ берутъ, другимъ даютъ, у однихъ отрѣзають, другимъ прирѣзають или мѣшають всю землю въ одно и разверстывають по окладамъ наново. И такъ при каждомъ верстаніи. Верстанія происходятъ не часто и не въ указные сроки, а отъ случая къ случаю, передъ большими походами или по челобитьямъ служилыхъ людей; и верстають не всѣхъ служилыхъ людей сразу, а по городамъ и сотнямъ: ряшамъ, смозьянъ, калужанъ и другіе сотни и города. Но бывають случаи, когда верстають всѣхъ служилыхъ людей царства и, вмѣстѣ съ верстаніемъ, переверстывають всю служилую помѣстную землю. Про Уложеніе 1556 года Ивана Грознаго лѣтописецъ разсказываетъ: «По семъ же Государь и сія расмотри — которые велможы и всякіе воины многими землями завладѣли, службою оскудѣвша, не противъ государева жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ, государь же имъ уравненіе творяше: въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, переизлишки жъ раздѣлиша немумцимъ». Но московскіе цари творять уравненіе и дѣлятъ земельныя переизлишки немумцимъ не только во время верстаній. Каждое новое письмо — большой земельный сыскъ: ревизія земельныхъ правъ и владѣній. И, вмѣстѣ съ сыскомъ, новый земельный перелѣдъ и разверстка. Паша и дозирающій, писцы и дозорщики, вмѣстѣ съ письмомъ и мѣрою, смѣчаютъ и сыскивають накрѣпко, и смотрять по грамотамъ и по отдѣльнымъ или отказнымъ выписямъ, веѣ ли помѣщики владѣють землями противъ ихъ дачъ и окладовъ, не утаили ли земельныхъ лишковъ отъ прежнихъ писцовъ и не припахали ли пашни изъ царскаго чернаго лѣса или изъ *своихъ* угодій — самовольно «безъ дѣду». И, если вымѣряють у помѣщиковъ земельныя лишки, что тѣ «по сыску къ старымъ окладамъ приглязи», или изъ угодій сверхъ дачъ припахали, и тѣ лишки отписываютъ у нихъ на государя и раздають въ раздачу безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ. Или.

если писцы найдутъ помѣстья, у которыхъ уголья разверстаны не поровну: у однихъ помѣстій — лѣса и покосы, и рѣки, и озера, и всякія уголья многія, а къ тѣмъ угольямъ пришли другія помѣстья, у которыхъ угодій нѣтъ или есть, да не по пашинѣ мало, тогда писцы отрѣзаютъ лишки у тѣхъ помѣстій, у которыхъ угодій много, и прибавляютъ къ тѣмъ, у которыхъ мало, «чтобы тѣ помѣстья уголья изверстаны были поровну». — По существу своему, вся помѣстная служилая земля въ Московскомъ царствѣ — грандіозная земельная община, гдѣ землю непрерывно дѣлятъ и равняютъ. Только дѣлятъ и равняютъ землю не сами служилые люди на служилыхъ сходахъ, а, какъ въ крѣпостной общинѣ, царскіе прикащики — воеводы, писцы и мѣрники — и дѣлятъ не по тягламъ или душамъ, а по чинамъ и статьямъ: за большія службы даютъ большіе жеребья, за малыя службы — малые и за равныя — равные.

На служилой землѣ есть помѣстная владѣнія, гдѣ черты земельной общины проступаютъ еще отчетливѣе. Служилые люди высшихъ и среднихъ чиновъ Московскаго царства получаютъ свои земельныя дачи, каждый въ отдѣльности — по межамъ и знакамъ. Не такъ низшіе чины и, въ особенности, служилые люди ко прибору — казаки, стрѣльцы и пушкари, исполщенные на южной и восточной окраинахъ. Служилые люди этихъ чиновъ получаютъ земельныя дачи, не каждый въ отдѣльности, а цѣлыми отрядами и группами — «съ одного а не въ розни», «вопче съ прочими помѣщиками, въ однихъ межахъ, граняхъ и урочищахъ». Воеводы и писцы складываютъ помѣстные оклады членовъ такой служилой группы въ одно и каждой группѣ отводятъ одну общую земельную дачу; а члены группы — сябры-товарищи — дѣлятъ отведенную дачу «сами межъ себя» и сами верстаются землями противъ окладовъ поровенно. Чтобы разверстаться поровенно, помѣщики-сябры поступаютъ такъ: размежевываютъ пашенныя земли дачи на столбы-ярусы — по качеству почвы и отдаленности отъ селеній — и каждый ярусъ дѣлятъ на столько полосъ, сколько членовъ въ ихъ сябренной группѣ; если помѣстные оклады сябровъ одинаковые, полосы тоже нарѣзаются одинаковыми, если оклады разные — и полосы разныя. Разверставъ дачу на ярусы и ярусы на полосы, помѣщики мечутъ жеребій и по жеребью разверстываютъ полосы между собой: сколько въ дачѣ ярусовъ, столько и полосъ у каждаго помѣщика. Потому каждый помѣщикъ-сябрь владѣетъ «своимъ помѣстьемъ не въ одномъ отрѣзѣ, а въ 20-40 полосахъ «въ рядъ, черезъ межу съ иными сябрами», «въ ближнихъ и дальнихъ поляхъ поровенно». Уголья, отведенныя къ дачѣ, по-

мѣщичи-сябры часто не дѣляютъ совсѣмъ, а пользуются ими *вотче*, «противъ дачь по четвертямъ»: вопче лѣсъ сѣкутъ, дровяной и хоромный и сѣно косятъ по лугамъ и дубравамъ, и рыбу ловятъ по рѣчкамъ и озерамъ, и приточкамъ. Своими пашенными полосами помѣщичи-сябры пользуются не безрочно, а обычно отъ передѣла до передѣла. По приказу воеводы, когда ему надо вселить въ дачу новыхъ жильцовъ или «по полюбовному межъ собою договору и условкѣ», сябры время отъ времени вервятъ и дѣлятъ или равняютъ свои земли и вновь развертываютъ ихъ между собою по жеребью. Дѣль—когда всѣ земли складываютъ въ одно и передѣляютъ на новыя полосы. Ровень земли — когда долю каждого сравниваютъ съ его полосами и, если «его полосы по его долѣ малы и земля сполна нѣтъ», отрѣзаютъ лишки у однихъ и прирѣзаютъ другимъ. Если помѣщичь-сябрь умираетъ или, за старостью и болѣзнию, не можетъ служить государеву службу, его полосы отдаютъ его сыновьямъ или тому, «кто въ его мѣсто въ службѣ будетъ». Если воеводѣ надо исполнить новоприборныхъ служилыхъ людей, а порозжей земли для исполненія не хватаетъ, онъ вселяетъ новыхъ жильцовъ въ старую дачу и наново развертываетъ землю между старыми и новыми помѣщиками противъ ихъ обладовъ поровну; или отрѣжетъ отъ дачи часть земли и угодій и отведетъ ихъ новой группѣ. Такимъ образомъ, сябренное помѣстное владѣнiе представляетъ собою земельную общину, но только не уравнительную, а долевую или четвертную, гдѣ землю дѣлятъ и равняютъ не по душамъ или рабочимъ силамъ, а по долямъ и четвертямъ — помѣстнымъ окладамъ, установленнымъ властями. — Дальнѣйшая судьба сябренного владѣнiя еще больше сближаетъ его съ передѣльной земельной общиной. Сябренное владѣнiе, обычно — мелкопомѣстное. Помѣщичи-сябры, большею частью, дводворцы, безкрестьянныя: живутъ однимъ дворомъ, «а крестьянъ и бобылей за ними нѣтъ — папуть сами». Потому, еще московскiе государи, наряду съ ратной службой, облагали сябровъ папешнымъ тягломъ — подворной податью. Въ императорской Россiи ратная служба сябровъ еще больше отстываетъ на заднiй планъ, пока, въ концѣ 18 в., не исчезаетъ окончательно; а податное тягло все растетъ, пока не сравнивается съ тягломъ всѣхъ государственныхъ землепашцевъ. Сябренная земля изъ служилой становится тяглою, а сами сябры изъ помѣщиковъ-дворянъ — бащенными крестьянами. вмѣстѣ съ замѣной службы тягломъ, мѣняется и характеръ земельного обезпеченiя сябровъ. Императорское правительство уже не верстаетъ сябровъ помѣстными окладами и не отводитъ имъ земельныхъ дачъ по окладамъ, а заботится о

тѣмъ, чтобы каждый сябрь-однодворецъ имѣлъ земельный надѣлъ, достаточный для его пропитанія и для уплаты государственныхъ податей. А такъ какъ государственныя подати въ императорской Россіи окладываются по душамъ, то и земельныя надѣлы тяглымъ отводятся на души. Межевая инструкция 1766 г. предписываетъ: всѣмъ малоземельнымъ однодворцамъ, которые пожелаютъ селиться на порожнихъ земляхъ, наѣзривать на каждую душу по 8 десятинъ, а на дворъ, полагая въ немъ по 4 души, по 32 десятины. Въмѣстѣ съ переводомъ земельного обозначенія на души и съ наступленіемъ земельного утѣсненія и въ самой однодворческой общинѣ начинается борьба за уравнилельно-душевую развертку. Маломощные и многосемейные однодворцы жалуются: подати платимъ съ душъ, а землю дѣлимъ по старымъ дачамъ — «по фамиліямъ, дѣдамъ и родословной»; и просятъ: «однодворческія наши земли и угоды... не повелено-ль будетъ между собою, для уравнилельнаго содержанія къ общей безобидной тягости, раздѣлить по написанному въ подушный окладъ члелу душъ... отчего всякій можетъ быть безобиденъ и въ платежахъ состоятеленъ». «Кто повозможнѣе» — широкодачники, сильные возражаютъ: «мы съ предковъ такъ владѣемъ». Но, какъ обычно въ такихъ случаяхъ, императорское правительство, и въ спорахъ между однодворцами, становится на сторону не сильныхъ, а маломощныхъ: люди сего рода въ прежнее время несли разныя службы и по тягости службы получали число десятинъ; нынѣ же всѣ они поверстаны однимъ подушнымъ окладомъ, слѣдовательно и не могутъ имѣть прежняго права во владѣніи землями; «несправедливо кажется было бы, чтобы, люди, одного будучи состоянія и жительства въ однихъ селеніяхъ, а паче платя равную подать, имѣли неравное число земли и несравненно меньше противу другихъ». Потому еще въ 18 в., а, въ особенности, при «начальникѣ штаба по крестьянской части» Николая I—графѣ Киселевѣ, большинство однодворческихъ общинъ переходятъ къ подушно-уравнилельной разверткѣ. И еще нынѣ милліоны крестьянъ Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерній — прямые потомки московскихъ служилыхъ людей-помѣщиковъ — съ упорствомъ и вѣрою въ правое дѣло равняютъ и дѣлятъ свои мірскія земли. Московская правда держится крѣпко.

Судьба помѣстнаго владѣнія высшихъ и среднихъ чиновъ Московскаго царства была иная. По мѣрѣ сближенія съ Западной Европой и появленія въ Московскомъ царствѣ западныхъ новизнъ, московскіе государи стали убѣждаться, что и служилый строй и, въ особенности, строеніе воинства требуютъ переимѣнъ

и обновления. «Вѣдомо великому государю учинилось — сказано въ указѣ царя Федора Алексѣевича — что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ... его государевы непріатели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы — для тѣхъ нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей учинити въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе... чтобы преждебывшее воинское устройство, которое показалося въ бояхъ неприбыльно, переимѣнить на лучшее». Показалась неприбыльной и требующей переимѣны на лучшую и старая система земельного жалованья за службу. Земельное жалованье начинаютъ постепенно замѣнять денежнымъ. Въ послѣдніе годы Московскаго царства еще вся служилая земля — и помѣстная, и вотчинная — несетъ уложеную службу, а служилые люди еще верстаются земельными окладами. Но уже далеко не всѣ. Цѣлые полки состоятъ на полномъ царскомъ содержаніи — «обуты, одѣты отъ царя»; да и тѣ, которые служатъ съ земли, не обходятся безъ денежныхъ окладовъ. И Петръ Великій еще могъ писать: «Въ нашемъ Великаго государя Московскомъ государствѣ и въ Сибири съ земель служилые всякаго чина люди служатъ нашего Великаго государя службы, а крестьяне пануть десятинные пашни и платять оброки, а даромъ землями никто не владѣеть». Но, на самомъ дѣлѣ, разрывъ между землей и службой уже начался. Въ императорской Россіи земля уже не несетъ уложеную службу, и служба уже не вознаграждается землей. Послѣ Петра и само обязательство службы кажется владѣльцамъ земли — помѣстнымъ дворянамъ непереноснымъ. А когда руссское дворянство пожаловано было вольностью и свободой, и служба перестала быть обязательной, тогда разрывъ между землей и службой сталъ окончательнымъ — земля и служба разошлись навсегда. — вмѣстѣ съ замѣной помѣстного земельного жалованья за службу денежнымъ, мѣняется и характеръ помѣстного владѣнія. Помѣстное владѣніе изъ условнаго и временнаго становится полнымъ и вѣчнымъ. Уже въ послѣдніе годы Московскаго царства права владѣльцевъ на помѣстные земли растутъ и крѣпнутъ. Помѣстья передаются по наследству изъ рода въ родъ, переходятъ изъ рукъ въ руки, покупаются ихъ владѣльцами у царя въ вотчину. Помѣщики все больше привыкають смотрѣть на свои земли, какъ на родовыя имѣнія. «Съ этихъ пустошей всѣ наши родичи служили, не вели, государь, отнимать за кровь и раны выслуженное помѣстье». При Петрѣ помѣстья и вотчины сливаются въ одно подъ именемъ «недвижимыхъ добръ». А, вмѣстѣ съ дворянской вольностью и свободой, рождается и дворянское право земельного владѣнія — право полной и неограниченной собственности. «Благородному свободная власть и воля оставляется... благопрі-

обрѣненное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое или въ прожитокъ отдать, или передать, или продать кому заблагоразсудитъ». Западное право священной собственности побѣдло московскую правду Божьяго даянія и царскаго жалованья за службу. Только не надолго. Въ конечномъ счетѣ, и священная земельная собственность не избѣгла участи всѣхъ земельныхъ владѣній Россійскаго царства — возвращенія въ царское — а, позднѣе, мірское — лоно. Когда, черезъ сто лѣтъ послѣ побѣды западнаго права надъ московской правдой, императорской власти понадобились помѣщичьи земли для обезпеченія быта освобожденныхъ отъ крѣпостной службы крестьянъ и для выполнения ими ихъ обязанностей передъ государствомъ, царь Освободитель твердой рукой повернулъ священную земельную собственность помѣщиковъ и разверсталъ ее между крестьянами по нормамъ поровну. А, когда, еще черезъ полъ столѣтія, рука послѣдняго русскаго императора дрогнула передъ помѣщичьими владѣніями, тогда народъ свергъ своего потерявшего правду императора и, съ почти безумной страстью, передѣлилъ и поравнялъ всю русскую землю. Московскіе земельные устои еще стоятъ непоколебимо.

Паша и дозирая, и мѣряя царскую землю, и разверстывая между государевыми людьми царское земельное жалованье, московскіе писцы и мѣрщики устраивали землями не только служилыхъ людей — не мало заботъ и труда клали они и на земельное устройство тяглыхъ. Только заботы московскихъ писцовъ и мѣрщиковъ при устройствѣ землями тяглыхъ людей совѣмъ иныя, чѣмъ при устройствѣ служилыхъ. Устраивая землями служилыхъ людей, писцы и мѣрщики думали объ одномъ: гдѣ найти землю для исполненія служилыхъ окладовъ; и, если земли мало, какъ разверстать ее между служилыми людьми, противъ окладовъ, поровну. Не то при устройствѣ тяглыхъ людей. Устраивая землями тяглыхъ людей, писцы и мѣрщики думаютъ не о томъ, гдѣ найти для нихъ землю и какъ разверстать ее между ними поровну, а о томъ, гдѣ найти жильцовъ на порожнюю царскую землю, чтобы тѣми жильцами въ государствѣ пашни прибавить и государю прибыль учинить, и какъ рассадить пашенныхъ людей по государевой вотчинѣ, чтобы тѣми людьми государеву вотчину наполнять, и чтобы «однолично государевыхъ земель нигдѣ въ пустѣ не было». Московское царство, за два вѣка своего существованія, выросло въ 12 разъ, раскинулось на девятую часть свѣта и заключило въ свои предѣлы милліоны десятинъ убогаго степного чернозема. А населеніе царства, за тѣ же вѣка, увеличилось только въ полтора раза и, потому, наполнять предѣлы царства было не кѣмъ, и для распахиванія земли людей не хватало. Присоединенныя области пред-

ставляли собой, почти сплошь, пустынные мѣста, «гдѣ дворовъ и пашень не было отъ вѣка». А въ старыхъ областяхъ царства — отъ великой нужи и голода, и отъ хлѣбнаго недорода, и отъ непріятельской тѣсноты и обиды, а, большіе всего, отъ помѣщичьей неволи и великаго тягла — людишки бѣдные и молодшіе бѣжали розно въ Украинные города по чертѣ и за черту и въ Понизовье, и въ Пермь великую, и въ Сибирскіе города, а, чаще всего, просто невѣдомо куда — въ невѣдущія земли и къ синему морю. «А бѣгаемъ мы — говорили степные Донскіе казаки — изъ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и отъ дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и веселились въ пустыни непроходимыя: взираемъ на Христа Бога Небеснаго». Потому, писцы и мѣрщики, пиша и дозирая Московское царство, пишутъ и мѣряютъ не только жилия распаханныя земли — не мало пишутъ и мѣряютъ они и пустыхъ порожихъ земель: въ новыхъ городахъ новыя пустовыя земли — черный лѣсъ и дикое поле — на которыхъ пашни не пахиваны и дворы не ставили, и которыя они отводятъ для расчисти и распашки новоселамъ; а въ старыхъ областяхъ царства старыя пустоши, что были раньше деревни, а потомъ въ запустѣніе пришли, и гдѣ церкви стоятъ безъ пѣнія, дворы развалились, а земли такъ поросли лѣсомъ, что даже мѣрители и смѣрители ихъ не мочно: «а въ тѣхъ пустошахъ — пишутъ писцы — пашни лѣсомъ поросло въ колѣ и въ жердь и въ бревно... и во всей той волости и около тое волости версты по двадцати и по тридцати, и по сороку, и болше жилищъ нѣтъ ни одного человѣка — пусто, все лѣсомъ поросло». Вотъ почему, писцы и мѣрщики, устраивая землями пашенныхъ людей, думаютъ не о томъ, гдѣ пайти для нихъ землю и какъ разверстать ее между ними поровну, а о томъ, гдѣ найти людей, еще не построенныхъ въ пашню — неписьменныхъ и нетяглыхъ — и какъ посадить ихъ на порожую землю, чтобы на той землѣ они лѣсъ сѣкли и дворы ставили, и пашни пахали, и покосы расчищали, и чтобы тѣмъ людьми государева пашня была прочна и государева земля изъ пуста въ живущее выходила. — Чтобы рассадить пашенныхъ людей по государевой вотчинѣ и наполнить предѣлы царства и чтобы вывести царскую порожую землю изъ пуста въ жило, московскіе писцы и дозорщики поступаютъ такъ. Пиша и дозирая московскіе волости и уѣзды, писцы и дозорщики пишутъ и дозираютъ не только села, деревни и починки и въ нихъ дворы, земли и уголья — вмѣстѣ съ селами, дворами и землями, они дозираютъ и пишутъ и волостныхъ людей, всѣхъ поимянно «съ отцы и съ прозвища»: кто имяны крестьяне и бабыли, и сосѣди, и захребетники, и половники, и ихъ дѣти, и братья, и племян-

ники, и сколько кто лѣтъ, и сколь давно кто поселился, и откуда кто пришли. Кто изъ уѣздныхъ людей положены въ тягло и сидятъ на пашенныхъ жеребьяхъ, тѣхъ писцы и дозорщики крѣпятъ на мѣстѣ и наказываютъ на строгаго, съ того мѣста не сойти и своихъ пашенныхъ жеребьевъ въ пустѣ не покинуть. Кто изъ уѣздныхъ людей въ тягло не положены и живутъ за чужимъ хребтомъ, а сами промышляютъ собою, опричь своихъ отцовъ, дядей и братьевъ, и въ тяглѣ имъ съ тяглыми людьми быти мочно, тѣхъ писцы и дозорщики кладутъ въ тягло, отводятъ имъ пустыя дворы «изъ тяглыхъ и изъ черныхъ, и изъ порозжихъ мѣстъ, которые люди померли, а послѣ ихъ женъ и дѣтей не осталось», и даютъ имъ пашни, смотря по нимъ. Кто изъ уѣздныхъ людей были въ тяглѣ, да изъ тягла выбѣжали, не хотя государевыхъ податей платити, и заложилсь за монастыри и за сильныхъ людей, тѣхъ писцы и дозорщики вывозятъ назадъ на старыя мѣста, гдѣ кто жилъ напередъ сего, и сажаютъ на ихъ старыя жеребья. А на порозжія земли въ новыхъ городахъ писцы и царскіе воеводы называютъ жильцовъ со стороны — вольныхъ, охочихъ людей: отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью, и отъ дядь племянниковъ, и подсосѣдниковъ, и захребетниковъ, и половинщиковъ — людей неписьменныхъ и нетяглыхъ — кто изъ вольныхъ охочихъ людей похотятъ на новыя мѣста ити и на государеву пашню садиться. Чтобы прибрать охочихъ людей на новыя мѣста лаской, а не въ неволю, писцы и воеводы велятъ брѣвчамъ кликать кличъ на площадяхъ: есть на такой - то рѣкѣ въ такой - то волости земля добрая и мѣста угожія, а въ рѣкѣ рыбныя ловли большія и въ лѣсахъ звѣрь всякой и пчелы. и жилецкимъ людямъ будетъ на той рѣкѣ пожиточно; которые изъ вольныхъ и пашенныхъ людей похотятъ на тѣ мѣста ити и на пашню изъ льготы садиться, и государь тѣхъ людей пожалуетъ, велитъ устроить землями и сѣнными покосами и всякими угодьями, а на дворовое строеніе и для пашеннаго заводу дастъ подможныхъ денегъ. И, если вольныхъ и пашенныхъ людей, которые похотятъ на новыя мѣста на льготу садиться, наберется довольно. тогда писцы и воеводы отводятъ имъ въ новыхъ городахъ пашенныя жеребья и угодья по ихъ силѣ и даютъ имъ подмогу по разсмотрѣнію, а, когда льготныя года минаютъ, кладутъ ихъ въ тягло и крѣпятъ на ихъ жеребьяхъ навѣчно. Если же охочихъ людей на новыя мѣста изъ льготы не будетъ, тогда писцы и воеводы сажаютъ жильцовъ на порозжія земли и *силно*, по царскому указу, съ грозой и наказаніемъ: прибираютъ въ новыя города тяглыхъ крестьянъ изъ черныхъ и изъ дворцовыхъ волостей по столько-то съ сохи и везутъ ихъ туда неволюю съ женами и съ

дѣтьми, и со всѣми ихъ животами; берутъ въ крестьяне вольныхъ людей — бобылей, подворниковъ и захребетниковъ, кого взять доведется; и строить въ пашню всякихъ прохожихъ людей — гулякъ, здоровыхъ мужиковъ, кои работать могутъ, нищихъ, ходящихъ по міру и питающихся Христовымъ именемъ и даже татей и разбойниковъ. И такъ велика пустота царства и такъ велика нужда въ жильцахъ на порозжія земли, что, прибирая людей въ пашню, писцы и всеводы нерѣдко кривятъ душой и обходятъ хитростью страшную царскую заповѣдь: не спрашиваютъ прибранныхъ людей, откуда они пришли и были ли за кѣмъ въ крѣпости, а просто сажаютъ ихъ на пашенные жеребья и крѣпятъ въ тягло на мѣстѣ; или если найдутъ въ черномъ лѣсу и на дикой степи починокъ или деревню, которые поставлены ново, и въ томъ починокѣ или деревнѣ пришлыхъ крестьянъ, которые покинули свои старыя тягла и сѣли на порозжую землю, «не бивъ челомъ великому государю», — не наказываютъ такихъ сошлыхъ крестьянъ безъ милосердія и не возвращаютъ ихъ на старые жеребья, а пишутъ и мѣряютъ ихъ пашни и угодья въ десятины и даютъ имъ на нихъ грамоты. Какъ ни страшна царская заповѣдь и какъ ни грозенъ царскій крѣпостной уставъ, пустота царства еще страшнѣе, и тяга пашенныхъ людей на угодья порозжія земли еще неудержимѣе. Вотъ почему, вмѣстѣ съ раздвигающимися предѣлами государства, гдѣ волею, а гдѣ и въ неволю, движутся, по просторамъ царства, и московскіе пашенные люди — идутъ отъ черты къ чертѣ, изъ одной области въ другую, сѣкутъ черныя лѣсы, пашутъ дикія степи, ставятъ починокъ къ починку и деревню къ деревнѣ и, разсаживаясь по государевой вотчинѣ, наполняютъ предѣлы царства и выводятъ царскую порозжую землю изъ пуста въ жило. Вотъ почему и московскіе писцы и дозорщики, устраивая землями тяглыхъ людей, думаютъ не о томъ, гдѣ найти для нихъ землю и какъ разверстать ее между ними поровну, а о томъ какъ разверстать тяглыхъ людей по землѣ, чтобы государева земля нигдѣ въ цуетѣ не лежала, и чтобы никаковъ чловѣкъ, въ государевой вотчинѣ, въ тягдѣ въ избыткахъ не былъ, а жилъ бы всякъ на пашнѣ.

Устраивая землями тяглыхъ людей и разсаживая ихъ по государевой вотчинѣ на пашню, писцы и дозорщики берегутъ накрѣпко, чтобы всѣ тяглые люди брали земельные жеребья по ихъ силѣ и чтобы они пашню пахали, «сколько ихъ сила можетъ», «сколько ихъ сила сяжетъ». Какъ служилые люди служатъ, въ Московскомъ царствѣ, государевы службы головами своими и всей душою, такъ и тяглые люди должны быть готовы къ государевой

работѣ всей душою и тѣломъ и должны тянуть государево тягло, сколько есть человѣческой мочи. Потому, устраивая землями тяглыхъ людей и отвоядя имъ ихъ тяглые жеребья, писцы и дозорщики поступаютъ такъ: пишутъ и дозируютъ всѣхъ тяглыхъ людей, каждаго въ отдѣльности, съ великимъ радѣніемъ и про каждаго сыскиваютъ и разспрашиваютъ старость и цѣловальниковъ и тутошнихъ людей вправду, по государеву крестному цѣлованію, кто имяны на какомъ участкѣ живетъ и кто чѣмъ промышляетъ, и у кого какіе животы — хлѣбъ, скоть и деньги — и у кого какія семьи, и которому человѣку на чемъ, по его промысламъ и животамъ, и семьямъ, можно впередъ жити и пашня пахати, и подати платити. Описавъ всѣхъ и дозря и разспросивъ про каждаго у мірскихъ людей, писцы и дозорщики кладутъ всѣхъ и каждаго въ тягло, въ Божью правду, кого во что пригоже, кто чего достоинъ: по ихъ силѣ, по человѣку глядя, какъ кому мочно въ какомъ тяглѣ быти, чтобы государеву тяглу убыли, а тяглымъ людямъ большой тягости не было, и чтобы государева прибыль впередъ была крѣпка и стоятельна. Если тяглый человѣкъ животомъ прожиточный и семьянстый, и сила его большая — на него кладутъ и большое тягло. Если скуденъ и одинокъ — и тягло на него кладутъ малое. Если тяглый человѣкъ, противъ стараго письма, окрѣпъ, и сила его прибавилась, ему прибавляютъ и тягла. Если отемнѣлъ, ослабъ — и тягла убавляютъ. Кладя въ тягло пашенныхъ людей, писцы и дозорщики, вмѣстѣ съ тягломъ, отвоядятъ имъ и тяглые жеребья. Пашенные люди тянутъ государево тягло со своихъ жеребьевъ, и, если ихъ жеребья не противъ ихъ тягла малы, государево тягло имъ тянуть не съ чего и прокормиться имъ не на чемъ. Потому московскіе государи наказываютъ своимъ писцамъ и воеводамъ «накрѣпко смотрѣть, чтобы въ земляхъ тѣсноты крестьяномъ нигдѣ не было», а писцы и воеводы берегутъ строго, чтобы крестьяне получали свои земельные жеребья, противъ ихъ окладовъ, едина. Какъ служилые люди получаютъ помѣстные жеребья по ихъ службѣ, такъ и тяглые люди получаютъ тяглые жеребья по ихъ тяглу. Каково тягло — таковы и жеребей. Большое тягло — большой и жеребей. Малое тягло — и жеребей малый. Если тяглый человѣкъ пашеть земельный жеребей по своей силѣ, писцы не прибавляютъ ему земли, а пишутъ его жеребей, вмѣстѣ съ тягломъ, въ писцовую книгу и даютъ ему на тотъ жеребей парскую грамоту. Если тяглый человѣкъ пашеть жеребей не противъ своей силы и жити ему и тягло тянуть съ того жеребья невозможно, онъ самъ отыскиваетъ себѣ порозжую землю для распашки и бьетъ челоу государю въ приказѣ: есть де на

такой то рѣкъ пустая земля, и та земля ни за кѣмъ не записана, и тою землею не владѣеть никто; а онъ, сирота, живетъ на маломъ участкѣ, и кормится ему печѣмъ; и государь бы его пожаловалъ, далъ бы ту пустую землю ему на распашъ и на сѣнные покосы, на льготу; а когда льготные годы пройдутъ, онъ, сирота, будетъ съ той земли государево тягло тянуть съ тяглыми людьми вмѣстѣ; «а безъ твоего государева указу — нишетъ челобитчикъ — различать и распахивать не смѣю». Государь посылаетъ грамоту писцамъ или воеводѣ и велитъ сыскать, правда ли та земля лежитъ въ пустѣ и никому въ тягло не отдана; и, если по сыску окажется, что земля лежитъ въ пустѣ и никому въ тягло не отдана, писцы и воеводы, по царскому указу, отдають ту землю челобитчику въ тягло по его силѣ, а льготу ему даютъ, смотря по землѣ. Если же тяглый человѣкъ животомъ прожиточенъ и семью-письть гораздо и пашеть малый жеребей, не противъ своей силы, а прибавочной пашни не беретъ, «для легости, избывая государева тягла», тогда писцы и воеводы сами сажаютъ его на пустыя выти или прибавляютъ ему пашни изъ порозжей земли и, вмѣстѣ съ пашней, прибавляютъ ему тягла, и наказываютъ настрого той прибавочной пашни впредь съ себя не сбавливать и отъ государева тягла не отбиваться, а пахать ту прибавочную пашню безперевно и государевы оброки платить со всеми крестьянами ежегодно сполна. Такъ и тянуть московскіе пашенные люди — волею или въ неволю — государево тягло, сколько у кого есть силы; и, вмѣстѣ съ тягломъ, пашутъ землю, сколько кому отведуть по тяглу. Потому, для московскихъ пашенныхъ людей, что тягло, что земля — одно. Государева повинность — «тягло»; и государева земля — тоже «тягло». Положить пашеннаго человѣка въ тягло — дадутъ по тяглу землю. Отведуть землю — положить по землѣ тягло. Земля и тягло, въ Московскомъ царствѣ, связаны неразрывно. Потому, для московскихъ пашенныхъ людей, земля — не только мать и кормилица; она и тяжкое бремя царя и великаго князя. — Что писцы и воеводы въ черныхъ волостяхъ, то помѣщики и вотчинники съ ихъ приказчиками въ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Какъ писцы и воеводы устраивають землями черныхъ людей и рассаживаютъ ихъ по государевой вотчинѣ на пашню, такъ и помѣщики и вотчинники отводятъ землю своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и рассаживаютъ ихъ по помѣстьяхъ и вотчинамъ на пашенные жеребья. Московскіе помѣщики и вотчинники — государи въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ: вольны своимъ крѣпостныхъ крестьянъ сажать на любые жеребья, на какіе укажутъ; вольны сами класть на нихъ подати и оброки, по разсмотрѣнію, сколько съ кого что взяти. Великіе же

государи только наказывают помѣщикамъ и вотчинникамъ, чтобы они платили со своихъ крестьянъ брали «по силѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣтей и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищю не привести», и чтобы великихъ государей «дань и посолная служба не залегла». Потому, устраивая землями своихъ крестьянъ, помѣщики и вотчинники поступаютъ такъ же, какъ писцы и воеводы: кладутъ крестьянъ въ тягло по ихъ силѣ, по людямъ глядя, и по тяглу отводятъ имъ земли. Тягло — по силѣ; земля — по тяглу. Прибавится сила — прибавятъ тягла — прибавятъ земли. Убавится сила — убавятъ тягла — убавятъ земли. Или поступаютъ иначе: расписываютъ своихъ крестьянъ по тягламъ, исчисляя въ каждое тягло по работнику мужского и женскаго пола — мужского пола съ 18 лѣтъ, а женскаго, какъ замужъ выйдетъ — и на такія тягла кладутъ подати и повинности; а землю разверстываютъ между крестьянами противъ ихъ тяголъ поровну. Поспѣтъ въ крестьянской семьѣ работникъ въ тягло, на семью накинутъ подати и прибавятъ земли; состарится въ крестьянской семьѣ работникъ и станетъ къ государевой и господской работѣ негоденъ, его выключатъ изъ тягла, а съ семьи скинутъ подати и сбавятъ земли. Если же помѣщикъ положитъ на своего крестьянина тягло и жеребей не по силѣ, тогда крестьянинъ бѣгетъ челомъ помѣщику и проситъ: «Умилостивись, государь, пожалуй меня, спроту своего, вели, государь, съ меня тяглаго жеребья сбавить десятину; для того, что я скудепъ и бѣденъ, и мнѣ тяглый жеребей не въ силу, владѣть имъ не въ моготу. Государь, смилуйся, пожалуй». Помѣщикъ допрашиваетъ старосту и мірскихъ людей, можно ли челобитнику на томъ тяглѣ быти, и, если староста и мірскіе люди скажутъ въ правду, что челобитнику того тягла тянуть не въ мочь, снимаетъ съ него десятину или полъ-десятины жеребья и кладетъ на кого міръ укажетъ: на «человѣка семьянистаго и скотомъ и всякимъ прожиткомъ исправлаго». Такъ и крѣпостные крестьяне тянутъ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, государево и господское тягло, сколько у нихъ есть силы, и, вмѣстѣ съ тягломъ, папуть крѣпостные жеребья, кто что спести можетъ.

На устроении землями тяглыхъ людей и на разверсткѣ между ними нашеннихъ жеребьевъ и угодій по тяглу выросла и окрѣпла и московская земельная община. Московскіе тяглые люди, по обычаю, мірскіе люди. Черные крестьяне, на черныхъ государевыхъ земляхъ, по московскому крѣпостному уставу, связаны порукою въ тяглые міры-волости и міромъ управляютъ своими крестьянскими и положенными на нихъ государевыми и земскими

дѣлами — податными, губными и судебными. На помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, помѣщики и вотчинники сами выполняютъ государевы и земскія дѣла — сами «тянутъ во всё государевы подати», сами ставятъ выборныхъ къ губному и судебному дѣлу — и сами, на полной волѣ, распоряжаются дѣлами своихъ крестьянъ: но и на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ — во всѣхъ большихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ — существуютъ мірскіе сходы, на которыхъ крѣпостные крестьяне міромъ думаютъ о своихъ дѣлахъ и міромъ выбираютъ изблюбленныхъ людей — старостъ и цѣловальниковъ; и помѣщики и вотчинники, только въ рѣдкихъ случаяхъ, принимаютъ рѣшенія, въ крестьянскихъ дѣлахъ, не поговорявъ со своими старостами и мірскими людьми. Но какъ бы ни управляли мірскіе люди своими дѣлами — самостоятельно, какъ въ черныхъ волостяхъ, или по волѣ и указу помѣщиковъ, какъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ — значеніе міровъ въ крестьянской жизни громадно. Народная правда — для московскихъ тяжлыхъ людей — лежитъ въ міру. Наверху царь, внизу міры — носители и хранители народной правды. Московскіе люди не знаютъ человѣческой личности и мало цѣнятъ личный авторитетъ; мало знаютъ они и писанныхъ законовъ и записанныхъ законовъ правъ. Зато у московскихъ людей есть Божья правда — неизблемая и вѣчная. Наверху ее несетъ Божій помѣстникъ — царь. Внизу ее хранитъ міръ. Потому, міръ пользуется въ московской народной жизни громаднымъ авторитетомъ, и отношеніе къ нему мірскихъ людей любовное и почитательное. Обращаясь къ міру, мірскіе люди бьютъ ему челомъ и мірскіе приговора принимаютъ за велѣнія: «Добили челомъ міру», «велѣли всёмъ міромъ» — пишутъ они въ своихъ грамотахъ. Въ міру мірскіе люди должны быть тихими и смиренными, съ міромъ должны жить совместно и безъ мірскаго вѣдома, своимъ произволомъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать. Кто, по корысти, вредитъ мірскимъ интересамъ, тѣхъ мірскіе люди называютъ мірскими съедниками и міропродавцами. Въ минуты опасности мірскіе люди «стоятъ другъ за друга единыя челоуки» и міромъ подымаютъ обиды и убытки каждаго. — Занимаясь всякими дѣлами — государевыми, земскими и своими мірскими — крестьянскіе міры занимаются и самымъ большимъ государевымъ и мірскимъ дѣломъ — земельнымъ. Описавъ и дозря государевы земли въ черныхъ волостяхъ, писаны и дозорщины, въ большинствѣ случаевъ, отводятъ пашенные жеребья и уголья, «что къ тѣмъ жеребьямъ потягло», «куда соха, коса и топоръ ходили», каждому крестьянину или каждой деревнѣ отдѣльно, по мелямъ и заваламъ, и границамъ, и признакамъ: но большія

уголья — черные, поверстные лѣса, озера, рѣки, дальніе луга и поскотины — писцы и дозорщики, обычно, отводять не отдѣльнымъ дворамъ или деревнямъ, а вѣдутъ волостнымъ крестьянамъ вобще — всему волостному міру. Волостные люди называютъ такія уголья нашими, воцими, мірскими землями и владѣюгъ ими во весь міръ — всею волостью. Если общихъ угодій у волостного міра много, а тяглыхъ людей въ волости мало, тогда волостные люди не дѣлятъ мірскихъ угодій промежъ себя, а вмѣстѣ - вобще сѣкутъ волостной лѣсъ, въ повалъ косятъ волостные луга, всею волостью ловятъ рыбу и предоставляютъ каждому мірскому человеку пахать въ черно́мъ лѣсу, гдѣ кто поспѣетъ. «А черныи лѣсъ — говорятъ про такіе лѣса царскіе судебниги — пахать въ суземкѣ просто безъ дѣлу, гдѣ не молодъ, кто сколько можетъ, то лѣсъ вончей, царевъ и великаго князя». Если же общихъ угодій у волостного міра мало, а людей въ волости много, тогда волостные міры разрѣшаютъ мірскимъ людямъ «въ черно́мъ лѣсу сѣчи по мѣрѣ», а другія уголья разверстываютъ между мірскими людьми противъ ихъ тяглыхъ жеребьевъ поровну, и, отъ времени до времени, наново передѣляютъ ихъ: у кого тяглаго жеребья прибавится, тому прибавляютъ и волостныхъ угодій, и у кого убавится, у того и угодій убавляютъ. А царскіе писцы и мѣрщики, пиша новое письмо, смотрятъ и берегутъ накрѣпко, чтобы волостные крестьяне «угольями были все равны, и волость бы передъ волостью и село передъ селомъ, и деревня передъ деревнею пустошными и всякими угольями оскужены не были». — Владѣя міромъ угольями — лѣсами, водами, сѣнными покосами и выгонами — волостные люди, во многихъ волостяхъ, владѣютъ міромъ и пашенными землями — пометными участками, которые ихъ тяглые владѣльцы бросили впустъ, а сами сошли невѣдомо куда или сдали въ міръ по бѣдности, «не измогши государевой дани платить». Описавъ и смѣтивъ крестьянскіе дворы и положивъ каждаго крестьянина въ сошное письмо, писцы и дозорщики не велятъ крестьянамъ, каждому за себя, вносить въ казну положенныя на ихъ подати, а складываютъ сошныя оклады вѣсехъ волостныхъ крестьянъ въ одно и кладутъ такой общій окладъ на всю волость. Волостные же крестьяне сами разводятъ положенный на нихъ окладъ промежъ себя по волостной ровности — по силѣ, кто на чемъ живетъ, и за единъ человекъ, поваломъ вѣстѣ, платятъ въ казну подати, съ жила и съ пуста — за живыхъ и за мертвыхъ, и за бѣглыхъ. Чтобы не платить за мертвыхъ и бѣглыхъ съ пуста и чтобы «за цуого на правейтъ убитымъ не быти», волостные люди всячески стараются найти на пометныя земли новыхъ жиль-

повь и сдать имъ пустые жеребья въ жило и въ тягло; потому при-
зываютъ на пустые жеребья охочихъ людей со стороны изъ льготы;
сажаютъ на нихъ крестьянскихъ подростковъ, которые въ тягло по-
шли, а тягла не берутъ и тѣмъ старыхъ крестьянъ въ пашнѣ из-
обижаютъ; или наваливаютъ ихъ на людей прожиточныхъ и се-
мьянистыхъ, которымъ прибавочныя доли будутъ въ мочу. Если
же волостные люди жильцовъ на пометныя земли не найдутъ, то-
гда они берутъ пустые жеребья на себя—въ міръ и міромъ владѣ-
ютъ и распоряжаются ими: пашутъ пустовыя пашни всею волостью
или разверстываютъ и дѣлятъ ихъ межъ себя—въ міръ по досто-
янію, противъ своихъ жилыхъ жеребьевъ поровну: у кого достояніе
большое, на того кладутъ и большую пустовую долю, а у кого малое
— малую; и, при перемѣнѣ достоянія, наново переверстываютъ и
пустовыя доли. А старосты и выборные люди берегутъ пакрѣшко,
чтобы пустовыхъ долей въ волости въ излишкѣ не было, и чтобы силь-
ные и достаточные крестьяне отъ прибавочныхъ долей не отбивались и
на скудныхъ и одинокихъ не накладывали. Такъ и пашенныя пустыя
земли поступаютъ въ мірское владѣніе и міромъ разводятся и дѣлят-
ся между волостными людьми противъ ихъ тяглыхъ жеребьевъ по-
ровну.—Въ Московскомъ царствѣ есть, однако, волости, гдѣ не
только большія угодья и пометныя пашни находятся въ мірскомъ
владѣніи, но гдѣ всѣ волостныя земли, пашенныя и непашенныя,
жилыя и пустыя разводятся между волостными крестьянами мі-
ромъ, и гдѣ волостные крестьяне «промежъ себя пашню дѣлятъ
почасту» — мѣстами изъ года въ годъ. Какъ, на помѣстныхъ зем-
ляхъ, шенцы и мѣрники отводятъ помѣщикамъ-сѣбрамъ ихъ по-
мѣстные жеребья съ одного, а не въ розни — всея сѣбренной груп-
пѣ въ одной межѣ, такъ и на черныхъ земляхъ, во многихъ воло-
стяхъ, шенцы и мѣрники отводятъ волостнымъ крестьянамъ ихъ
тяглые жеребья, не каждому въ отдѣльности, а всемъ вмѣстѣ на
всю волость — въ одной общей волостной дачѣ. «А землями и лу-
ги, и лѣсомъ, и всякими угодьями — наказываютъ шенцы при от-
водѣ такой общей дачи — верстатся крестьяномъ межъ себя са-
мымъ полюсами или десятинами на всякую выть поровну... чтобы
крестьянамъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣ-
ль». Получивъ общую дачу, волостные люди выбираютъ, для зе-
мельного развода, на волостномъ сходѣ, мірскихъ мѣрниковъ и
пѣловальниковъ; а мірскіе выборные люди, «по великихъ госу-
дарей указу и по выбору волостныхъ людей», разбираютъ и мѣ-
ряютъ волостныя земли, каждое угодье въ отдѣльности — пашни
тяжелыя и легкія, и сѣнные покосы, и всякія ныня угодья — и,
разобравъ и измѣривъ, верстаютъ ихъ волостнымъ людямъ, про-

тивъ ихъ тяглыхъ окладовъ, поровну. Чтобы разверзати волостныя земли полюбовно и ровно, безъ спору и брани, и чтобы никто въ лишніе земли не владелъ, волостные крестьяне, при земельной раскладкѣ поступають такъ же, какъ помещики-сябры: размежевываютъ волостную дачу на конь-удѣлы, по добротѣ земли и отдаленности отъ селеній — какая земля добрая и середняя, и худая, и какая ближняя къ селеніямъ, и какая дальняя — и каждый конь-удѣлъ дѣлитъ на полосы; а полосы разверстываютъ между собой по тяглу: у кого большое тягло — тому даютъ большую полосу, и у кого малое — малую, и берегутъ накрѣико, «чтобы ни у кого лишка земли ни въ которой полосѣ не было». А когда придетъ новое верстаніе податей, снова верстають и землю съ одного сбавляютъ жеребья, на другого накладываютъ, у одного отрѣжутъ полосу, другому прирѣжутъ, или складываютъ всѣ полосы въ одно и заново переверстываютъ ихъ по новымъ окладамъ. И такъ отъ переверстки къ переверсткѣ. Потому въ такихъ волостяхъ, съ мірской земельной раскладкой, ни одна полоска земли не закрѣплена ни на кѣмъ твердо, а вся волостная земля изъ сѣна въ срокъ дѣлится и переходитъ изъ рукъ въ руки. То же и на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ: во многихъ большихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, помѣщики и вотчинники не отвоятъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ ихъ тяглыхъ жеребьевъ въ розни, а кладутъ на всѣхъ крестьянъ помѣстья или вотчины общій тяглый окладъ и, по окладу, отвоятъ на весь міръ землю. А міръ самъ разводитъ между крестьянами и тягло, и землю; и при переверсткѣ тягла, переверстываетъ и землю. Такъ растетъ и крѣпнеть Московская земельная община. — Въ Московскомъ царствѣ, земельная община съ мірскими передѣлами — явленіе, еще далеко не повсемѣстное. Она встрѣчается только въ старыхъ областяхъ царства, гдѣ населеніе болѣе плотное, чѣмъ на окраинахъ, гдѣ передѣлы часто смѣняются грехпольемъ, и гдѣ мѣстами уже чувствуется земельное утѣсненіе. Въ новыхъ областяхъ царства въ мірскихъ поровненіяхъ еще нужды нѣтъ. Угожей порожней земли такъ много, что каждый тяглый человѣкъ можетъ распахать себѣ столько нашин, сколько осилитъ: и если самъ не распахать, его заставить писцы или помѣщики. Зачѣмъ же землю дѣлить и равнять? По существу своему, для московскихъ людей, вся государева вотчинная земля — грандіозная земельная община, гдѣ, по московскому крѣпостному уставу, каждому тяглому человѣку полагается пашенный жеребей, и гдѣ распаханныя участки — государевы земельные надѣлы, съ которыхъ положенные въ тягло люди тянутъ государевы повинности и кормятся, а порожнія земли — го-

сударевъ земельный запасъ для тягловъ. «которые впродъ прибудутъ». Когда въ государевъ вотчинной землѣ тяглыхъ людей прибудетъ много, и земельный запасъ начнетъ истощаться, тогда тяглые мѣры, одинъ за другимъ, начнутъ переходить къ земельнымъ передѣламъ, и земельныя поражненія будутъ волнами расходятся по территоріи государства — отъ центра къ окраинамъ. Но это случится позже — въ императорской Россіи. Въ Московскомъ царствѣ, земельный запасъ еще великъ, и московскіе мѣры больше думаютъ о томъ, какъ разверстать тяглыхъ людей по землѣ, чѣмъ о томъ какъ раздѣлить землю между ними поровну. — Но чьей волей начинаютъ московскіе люди земельныя равенія — по указу царя, по распоряженію помѣщика или по мірскому приговору — значенія не имѣетъ. Московскіе люди равняютъ землю не потому, что это кто-то приказываетъ; а потому, что такъ велитъ нужда, и, еще больше, потому, что это отвѣчаетъ Божьей правдѣ. Въ Московскомъ царствѣ, еще нѣтъ двухъ правдъ о землѣ — народной и господской. Правда о землѣ одна — Божья, государева и мірская. И, по этой правдѣ, всѣмъ государевымъ людямъ, и служилымъ, и тяглымъ, за ихъ службу и работу полагаются государевы земельныя жалованья. Когда у государя земельной казны много, земельное жалованье идетъ и служилымъ, и тяглымъ людямъ, по ихъ службѣ и работѣ сполна. Когда земельной казны мало — земельное жалованье разверстываютъ между служилыми и тяглыми людьми противъ ихъ окладовъ поровну. И, когда переверстываютъ оклады, наново переверстываютъ и земельное жалованье. Такъ равняютъ государевы помѣстные жалованья служилые люди. Такъ равняютъ данную имъ въ тягло государеву землю и тяглые крестьяне. Сильные и корыстные люди — мірофды и міропродавцы — могутъ долго противиться мірскимъ равеніямъ — шумѣть и горланить на мірскихъ сходахъ и запугивать худыхъ и слабыхъ. Но, рано или поздно, мірская правда побѣдитъ. Ее всегда будетъ поддерживать царь. Ей не будутъ противиться царскіе слуги — помѣщики и вотчинники. И, чѣмъ больше будетъ скудѣть государева земельная казна, и чѣмъ острѣе будутъ чувствовать земельное утѣсненіе тяглые люди, тѣмъ скорѣе и чаще будетъ одерживать мірская правда свои побѣды, и тѣмъ точнѣе и уравнительнѣе будутъ мірскія земельныя разверстки. А, когда государева вотчинная земля до краевъ наполнится тяглыми людьми, и тяглому папенному человѣку поширится будетъ некуда, тогда вся крестьянская Россія начнетъ дѣлать и равнять свои земли, на *всякую человеческую душу* поровну. Но и это случится тогда, когда Московское царство станетъ міровой имперіей, и ко-

гда западные новины со всѣхъ сторонъ обступаютъ московскіе земельные устои. Въ Московскомъ царствѣ земельной нужды еще нѣтъ, и земельныя поравненія — по слабѣ, по тяглу — только начинаются.

И оттого, что въ Московскомъ царствѣ земельной нужды еще нѣтъ, и оттого, что московскіе люди крѣпко вѣрятъ въ Божью и государеву правду, въ Московскомъ царствѣ еще нѣтъ земельного вопроса, и московскіе люди мало думаютъ о томъ, какія у нихъ права на землю. Чья земля, на которой сидятъ и работаютъ московскіе тяглые люди — черная, помѣстная, вотчинная и церковная? — Вся Божья, да государева. Государь посадилъ тяглыхъ людей на свою землю и каждому далъ пашенный жеребей. Но сдѣлалъ онъ это потому, что, по его царскому уставу, всѣ тяглые люди, всю жизнь — до живота, должны тянуть его государево тягло — дѣлать его царскую работу. Съ чего же тяглымъ людямъ — не съ пуста же! — тянуть царское тягло и на тяглѣ жить и кормиться? Запречь тяглыхъ людей въ тягло и лишитъ ихъ земли такъ же невозможно и противно правдѣ, какъ собрать ратныхъ людей въ походъ и не дать имъ воинскаго снаряженія и корма. И, если на той же землѣ, на которой сидятъ и работаютъ тяглые крестьяне, живутъ и кормятся и помѣщики, а крестьяне, работая на государя, должны работать и на нихъ, то и это потому, что и помѣщики — царскіе слуги, и что и они, головами своими, служатъ государю. А когда помѣщики кончатъ службу, у нихъ землю возьмутъ такъ же, какъ ее берутъ у тяглыхъ крестьянъ, когда они отбываютъ тягла. Потому, московскіе тяглые люди мало думаютъ о землѣ и не спрашиваютъ у царя, какія у нихъ права на землю. Знаютъ твердо, что всѣ силы свои и душу отдадутъ положенному имъ земному служенію — работѣ на государя. И вѣрятъ непоколебимо, какъ въ Божью правду, что за работу и службу государь ихъ своею милостью и жалованьемъ не обидитъ. И, если просить о чемъ царя, то объ одномъ: чтобы государь ихъ помиловалъ, облегчилъ имъ тягло — далъ льготу; и больше всего; чтобы снялъ самое тяжкое тягло — помѣщичью неволю; чтобы не было надъ ними помѣщиковъ-государей, и чтобы не были они помѣщиковыми рабами и крѣпостными — чтобы «вездѣ были все его государевы люди» и «чтобы вездѣ было все его великаго государя государство». А когда государь освободитъ ихъ отъ крѣпости помѣщикамъ и дастъ имъ волю, они останутся тѣмъ, чѣмъ были всегда — его глѣчными рабами и работниками. И будутъ они на Божьей и государевой землѣ работать Божью и его великаго государя вѣчную работу.

Таковы земельные устои Московскаго царства.

О русскихъ земельныхъ устояхъ спорили долго и страстно. Ихъ основанія искали всюду: въ первобытномъ коммунизмѣ, въ славянскомъ бытѣ, въ средневѣковомъ феодализмѣ, въ свободномъ творчествѣ крестьянъ-колонистовъ и во властномъ насиліи крѣпостнаго государства. Но подлинныя истоки русскихъ земельныхъ порядковъ раскрываются только на нашихъ глазахъ. Точно разрытыя заступомъ, какъ живыя, встаютъ грандіозныя теократіи стараго Востока. Камень по камню возстанапливаетъ историческая наука зданіе православнаго Московскаго царства. И, вмѣстѣ съ новыми историческими открытіями, раскрывается и тайна русскаго землянаго строя. Русскій земельный строй зачался въ лоно Московскаго царства. Онъ плоть отъ плоти и кость отъ кости его. Онъ выросъ и окрѣпъ на той же духовной основѣ, на которой выросло и окрѣпло все Московское царство. И, какъ все Московское царство, онъ только одинъ изъ видовъ культурнаго строительства Востока. Московское царство смѣнилось Россійскою имперіей. Западные новины плотно облекли восточныя основы. Но въ глубину жизни они не проникли и основъ не тронули. Не тронули и земельныхъ устоевъ. На этихъ вѣковыхъ устояхъ покоилось трудовое сознаніе русскаго народа. На этихъ устояхъ зрѣлъ народный пафосъ, и разгорались народныя страсти. Когда великая революція взорвала Россійскую имперію, народный пафосъ и страсти вырвались съ неудержимой силой.

И. Бунаковъ.

Литература послѣдняго десятилѣтія: Веселовскій. Сошное письмо. Т. I — II. М. 1915 — 16. — Вальденбергъ. Древнерусскія ученія о предѣлахъ царской власти. П. 1916. — Яковлевъ. Засѣчная черта Московскаго государства въ 17-омъ вѣкѣ. М. 1916. — Андреевъ. Отступныя грамоты. (Историческое обозрѣніе. Т. XXI. П. 1916). — Бѣляевъ. Древнерусская сенъберія и крестьянское закрѣпощеніе. (Журн. Мин. Юст. 1916 X — XI). — Заозерскій. Царь Алексѣй Михайловичъ въ своемъ хозяйствѣ. П. 1917. — Прѣсняковъ. Образование Великоорусскаго государства. П. 1918. — Прѣсняковъ. Московское царство. П. 1918 — Шульгинъ. Очерки поземельнаго быта въ Московскомъ государствѣ. М. 1918. — Платоновъ. Борисъ Годуновъ. П. 1921. — Готье. Смутное время. 1921. — Архангельскій. Очерки по исторіи землянаго строя Россіи. Казань 1921. — Сборникъ статей, посвящ. Платонову. П. 1922. — Очерки по исторіи колонизаціиСѣвера и Сибири. В. I. П. П. 1922 — Вышперъ. Иванъ Грозный. М. 1922. — Андреевскій. Очеркъ крупнаго

крѣпостного хозяйства на Сѣверѣ. Вологда. 1922. — Рожковъ. Русская исторія Т. III. IV. М. 1922. — Кулишеръ. Исторія Русской промышленности. П. 1922. — Фирсовъ. Историческіе характеристики и эскизы. Т. I. II. Казань. 1922. — Сборникъ грамотъ коллегіи экономіи. Т. I. II. 1922. — Рожковъ. Изъ русской исторіи. Т. I. II. П. 1923. — Россія и Западъ. Историческій сборникъ. Т. I. П. 1923. — Пичета. Введение въ русскую исторію. М. 1923. — Платоновъ. Иванъ Грозный. П. 1923. — Кулишеръ. Исторія русской торговли. П. 1923. — Л. Тихомировъ. Монархическая государственность. Т. I—III. 1923. — М. Weber. Wirtschaftsgeschichte, München. 1923. — Тхоржевскій. Народная волненія при первыхъ Романовыхъ. П. 1924. — Платоновъ. Прешлое русскаго Сѣвера. Берл. 1924. — Платоновъ. Смутное время. Прага 1924. — Коцъ. Крестьянскія движенія въ Россіи. Лен. 1924. — Введенскій. Торговый домъ XVI — XVII. Лен. 1924. — Грековъ. Монастырское хозяйство. XVI — XVII вв. Лен. 1924. — Генрихъ Штаденъ. О Москвѣ Ивана Грознаго. М. 1925. — И. Р. Наслѣдіе Чингисхана. Берл. 1925. — Шахматовъ. Подвигъ власти. (Евразійскій временникъ кн. III. Берл. 1923). — Государство правды. (Евраз. Временникъ. кн. IV. Берл. 1925). — Тарановскій. Обеспеченіе правъ служилого землевладѣнія въ сосл. - монарх. строе Моск. госу - ва. Львовъ 1925. — Kulischer. Russische Wirtschaftsgeschichte. В. I. Лежа. 1925. — Сборникъ статей, посвящ. П. Б. Струве. Прага. 1925. — Платоновъ. Москва и Западъ въ XVI — XVII. Лен. 1925. — Зайцевъ. Правовая идеологія русскаго земельного строя въ эпоху до первой революціи. (Зап. русск. инст - та с. х. коопер. въ Прагѣ кн. III. 1925). — Веселовскій. Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима. М. 1926. — Сборникъ памяти Савина. М. 1926. — Дѣла Тайнаго приказа. Кн. IV. Лен. 1926. — B. Nolde. Réflexions sur le développement politique de la Russie. Paris 1927. — Русскій историческій журналъ кн. 1—8. 1917 — 22. П. — Дѣла и Дни. Ист. журналъ. Кн. 1 — 3. П. 1921 — 22. — Русское Прешлое. Ист. Сборники. Т. 1 — 5. П. 1923. — Архивъ исторіи труда въ Россіи. Кн. 1—10. П. 1921 — 23. — Трудъ въ Россіи. Ист. Сборники. П. 1923 — 24. — Извѣстія Академіи Наукъ. Лен. 1925 — 26.